

57-4
1372

Нелли Шульман
Вельяминовы
Время Бури

Нелли Шульман

**Вельяминовы. Время бури.
Часть вторая. Том второй**

«Издательские решения»

Шульман Н.

Вельяминовы. Время бури. Часть вторая. Том второй /
Н. Шульман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900101-6

Атака на Перл-Харбор, гибель советских войск в новгородском котле,
партизанская война в Бирме и сражения в Северной Африке.

ISBN 978-5-44-900101-6

© Шульман Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть четвертая	9
Мон-Сен-Мартен	9
Льеж	14
Брюгге	18
Льеж	22
Мон-Сен-Мартен	27
Часть пятая	50
Рангун	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вельяминовы. Время бури

Часть вторая. Том второй

Нелли Шульман

Иллюстратор Анастасия Данилова

© Нелли Шульман, 2017

© Анастасия Данилова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4490-0101-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Перл-Харбор, январь 1942

Окна маленькой гостиной выходили на пляж белого песка. До кромки прибоя оставалось не больше ста футов. Дул соленый, легкий ветер, шелестели листья пальм. С базы огни Гонолулу были не видны, но по берегам залива мерцали, переливались фонари. В доках работа шла днем и ночью. Флот восстанавливал поврежденные при атаке корабли. Запах дыма и гари исчез, но Дебора сказала, что взрывной волной выбило стекла почти во всех офицерских коттеджах.

– Я на работе была... – невестка перекусила белыми зубами нитку, – в штабе... – смуглая, изящная рука махнула в сторону залива:

– Мы с Аароном договорились пообедать. У него дежурство заканчивалось... – в штабе тоже разбили окна, однако эти здания не бомбили. Японские истребители, и легкие подводные лодки разрушали корабли в гавани, и военные самолеты на аэродроме.

Склонив темноволосую, покрытую шелковой береткой голову, Дебора пришивала к парадному кителю мужа пурпурную лычку. Она разгладила пальцем лычку «Серебряной звезды» с цветами флага США:

– Не могу забыть, Меир... – девушка вздохнула, – я видела, как «Аризона» надвое раскололась, как она тонула... – Дебора встряхнула китель, – Аарона несколько часов найти не могли... – Дебора смахнула пылинку с золотой нашивки капеллана, со скрижалями завета, и римскими цифрами. Она поднялась. Меир сразу встал:

– Сиди... – попросила невестка, – мы родственники... – она взглянула на часы в гостиной:

– Я тебе на стол накрою и побегу в госпиталь, свечи зажигать. Ты справишься... – невестка указала на подсвечники на чистой, накрахмаленной скатерти. Дебора слегка покраснела:

– Ты прости, что я тебя на шабат бросаю, мне надо... – Меир улыбнулся:

– Ничего страшного. Конечно, иди к Аарону... – брата обещали выписать через неделю. Он получил недолгий отпуск по ранению. В следующем месяце Аарон возвращался на борт корабля. «Аризона» не подлежала восстановлению. Брат получил направление на строящийся в штате Мэн, на верфи Bath Iron Works, эсминец «Де Хейвен».

Утром Меир присутствовал на церемонии награждения в госпитале. Медали вручал новый главнокомандующий Тихоокеанским флотом, адмирал Честер Нимиц. Предыдущих командиров отослали в столицу. Ходили слухи, что бывшего командующего флотом и бывшего главу базы Перл-Харбор собираются судить за пренебрежение служебными обязанностями. База оказалась не готовой к японской атаке.

Меир, с Деборой и другими родственниками, стоял в углу палаты.

Лицо Нимица было хмурым, он почти ничего не говорил. Обойдя все койки, адмирал откашлялся: – Правительство Соединенных Штатов благодарно вам за проявленную доблесть, однако война только начинается... – Меир знал, что Нимиц прав.

Японцы взяли Манилу и Куала-Лумпур, продвинувшись на территорию голландских колоний. Аарон, покуривая с Меиром во дворе, заметил:

– Они, как и немцы, рвутся к нефтяным промыслам. Однако мы их туда не допустим... – рав Горовиц помолчал:

– Будь осторожней в Бирме, передавай привет Джону. Мы с ним теперь в одном звании... – они с Меиром сидели на скамейке под высокой пальмой. Госпиталь помещался далеко от гавани, и не пострадал при бомбежке. По зеленой, сочной траве перепархивали белые голуби. Было жарко, Меир расстегнул воротник пехотной формы цвета хаки. Нашивок ему не дали, но у Меира в нагрудном кармане лежало удостоверение, подписанное военным министром. В документе сообщалось, что мистер Горовиц является вторым командиром отряда 28, и выполняет особую миссию, по заданию правительства США. Название отряду было выбрано просто, по количеству добровольцев. Получая последние инструкции, Меир узнал, что отряду придают врача, из индийской бригады гуркхов:

– Очень смелые люди, выходцы из Непала, – объяснили ему в министерстве, – среди британских волонтеров в отряде половина из этой бригады... – Меир понятия не имел, как добираются до Рангуна остальные американские добровольцы:

– Хотя бы Рангун пока не взяли, – он потушил сигарету в урне рядом со скамейкой, – и на том спасибо... – они с отрядом отправлялись из столицы Бирмы на север, переходя линию фронта, оказываясь далеко в японском тылу.

Аарон зорко посмотрел на Меира:

– Связываться с тобой, конечно, будет нельзя... – брат, в общем, выглядел хорошо, и даже успел немного загореть. О ранении он не говорил, но Меир понял, что Аарону сделали две операции:

– Два шрама, – коротко сказал рав Горовиц, – я тебя догнал... – Аарон не упоминал о слегка искривленных пальцах на левой руке. Меир заметил травму в Нью-Йорке, на хупе, но не стал ничего спрашивать:

– Он в тюрьме сидел, в Каунасе... – вспомнил Меир, – Наримуне его оттуда вытащил. Наримуне всем рискнул, чтобы спасти евреев. Его в отставку отправили. А если он воевать пошел? Если я его встречу в японской армии... – Меир не хотел говорить с братом о подобном, но не смог промолчать. Аарон помрачнел:

– Он муж нашей кузины, милый мой. Регина японская подданная. Я не стал ничего скрывать... – рав Горовиц повел рукой куда-то в сторону штаба, – видишь, с флота меня не увольняют... – Меир протер очки:

– Мое начальство тоже знает, но я не об этом, Аарон. Вдруг Наримуне... – он оборвал себя. Аарон, как в детстве, обнял Меира за плечи:

– Не пойдет он воевать. У него двое детей, и он всегда был против подобного... – в газете сообщали, что немецкое наступление под Москвой захлебнулось. Вермахт утонул в снегу, не в состоянии двинуться с места. Брат усмехнулся:

– Не зря Мэтью на Аляску отправился. Если немцы, получив опыт под Москвой, решат атаковать Арктику, мы окажемся подготовленными... – они поговорили об Эстер и племянниках. Рав Горовиц надеялся, что Иосиф и Шмуэль, с христианскими документами, под опекой Элизы и Виллема, благополучно пробудут в Мон-Сен-Мартене до конца войны. О том, что дети под присмотром, Меиру сообщили из Блетчли-парка:

– Эстер с ними в контакте, – заметил Меир, – у нее передатчик. Она медсестрой устроилась, в немецкий офицерский госпиталь в Варшаве. Раненые, как известно, разговаривают. Больше им заняться нечем... – Аарон кивнул:

– И она не похожа на еврейку. Мальчишки тоже. По нынешним временам так безопаснее... – он посмотрел на часы:

– Пора, кстати, на встречу с медсестрами. Хорошо, что ты приехал, пусть и ненадолго... – брат порылся в кармане госпитальной куртки. Белые голуби забили крыльями, Аарон бросил им крошки. Птица вспорхнула на плечо рава Горовица. Меир, уходя, оглянулся. Брат сидел, закрыв глаза, подставив лицо солнцу. В темных, коротко постриженных волосах, сверкала седина на висках.

– Ему тридцать один всего... – горько подумал Меир, – Господи, пожалуйста, дай ему детей увидеть, внуков... – голуби мягко клекотали, брат улыбался. Бывшего зятя они не обсуждали. Аарон только коротко заметил:

– Эстер может считать себя свободной. Вдовой. Европейские раввины приняли решение, что такие женщины, как она, могут во второй раз выйти замуж... – он добавил:

– Из лагерей вряд ли кто-то вернется, Меир. Это как со сталинскими лагерями... – Меир не рассказал брату о фотографиях в запертом на ключ ящике рабочего стола в его квартире, об Александре Горовице, ставшем железным Горским:

– Неважно, – решил Меир, – два десятка лет прошло. У Горского, то есть дяди Александра, все равно детей не было. У нас нет родственников в Москве, – по нынешним временам коммунисты в семье были менее подозрительны, чем японцы, которых начали интернировать в Калифорнии.

– Здесь тоже лагеря появились... – вздохнула Дебора, – до войны на Гавайях много японцев жило.

Дебора проводила с мужем все свободное от работы время.

О службе по контракту невестка не упоминала. Она только извиняющимся тоном сказала:

– У меня высшая степень секретности, Меир. Аарона тоже подняли на мой уровень... – красивые губы улыбнулись, – из-за того, что он мой муж... – Меир торопливо ответил:

– У меня такая же степень доступа, я все понимаю... – в коттедже Дебора ничего, кроме своей диссертации, не держала. В маленьком кабинете, который невестка делила с Аароном, стояла портативная пишущая машинка. На полках громоздились труды по языковедению и стопки научных журналов. По словам Деборы, работа была по дескриптивной лингвистике:

– Профессор Блумфилд ждет меня на защиту в Йеле... – невестка замялась, – мне намекнули, что меня могут перевести на базу Норфолк... – в Норфолке, в штате Виргиния, размещался генеральный штаб военно-морского флота США. Меир не стал интересоваться, зачем невестку отправляют на восток. Понятно было, что Дебора занимается взломом вражеских шифров и созданием новых криптографических систем. Меир бодро сказал:

– Очень хорошо. Сможешь жить в Нью-Йорке, папа обрадуется... – он хотел добавить, что отец ждет внуков, но смолчал:

– Дебора с Аароном редко видятся. Понятно, что тяжело детей завести, когда он в плавании. И неизвестно, куда новый эсминец пошлют, в Атлантику, или на Тихий океан.

Дебора ушла переодеваться в праздничное платье. Меир сложил ей сумку для госпиталя. Она накрыла на стол. Невестка приготовила цыпленка на гриле, с рисом и салатом из зеленой папайи. Вынеся из кухни кокосовый торт, Дебора улыбнулась:

– Аарон научил меня куриц резать. Здесь птицы много, рыба свежая, фрукты круглый год... – она немного, пополнила с прошлой весны. Меир подумал:

– Может быть, она ребенка ждет. Не принято о подобном говорить. Госпиталь здесь хороший, все пройдет отлично... – перед больницей Дебора навещала вдову капеллана Крэйга. Девушка грустно сказала:

– Он раньше с Аароном служил, на западе, где мы познакомились. Очень хороший человек. Тоже во флот перешел. У него двое детей сиротами остались... – епископальный священник погиб при бомбардировке гавани.

Девушка подхватила сумку:

– Я миссис Крэйг тоже обед приготовила. Ей не до кухни сейчас, у нее дети на руках... – Дебора надела темно-зеленое, шелковое платье, прикрыв голову легкой соломенной шляпкой. Меир, отчего-то подумал:

– На пляж ей нельзя ходить. Но, наверное, они с Аароном купаются вдвоем. Это разрешено, если в уединенном месте... – платье опускалось, ниже смуглых колен. Чулки невестка не носила, на Гавайях круглый год стояло лето. Рукава закрывали локоть, скромный стальной хронометр блестел на тонком запястье. Темная прядь падала из-под шляпки на плечо. В ложбинке, ниже шеи, переливалась, на золотой цепочке маленькая звезда Давида. Перехватив его взгляд, Дебора смутилась:

– Аарон подарил, в Сан-Франциско. Когда нас переводили с базы на Гавайи... – от нее пахло чем-то горьковатым, тревожным. Меир мучительно велел себе:

– Хватит. Она жена брата, прекрати думать о подобном... – он узнал запах горечавки, цветка Монтаны. Он вспомнил лиловые лепестки в букете невесты, аметистовое ожерелье на стройной шее. Дебора спустилась по ступенькам:

– Хорошей тебе субботы. У Аарона отдельная палата... – она опять покраснела, – завтра в синагоге встретимся... – брат вел службы в госпитальной часовне, вернее, палате, очищенной от коек.

Выйдя на крыльцо коттеджа, Меир помахал невестке. На огромном небе виднелись первые звезды, шумел океан. Она, немного покачивала узкими бедрами, каблуки цокали по выложенной камнем дорожке. Ветер играл темными локонами на спине. Зеленый шелк пропал за поворотом, стих звук ее шагов. Меир закрыл глаза:

– Любовь моя, цвет зеленый, зеленого ветра всплески... Не смей, не смей... – в сердцах хлопнув дверь, он вернулся в дом.

Часть четвертая

Бельгия, февраль 1942

Мон-Сен-Мартен

В чисто вымытые, покрытые изморозью окна, било яркое утреннее солнце. В беленой столовой, с распятием на стене, и фотографией Его Святейшества, вкусно пахло свежими гречневыми блинами. В кладовой приюта стояли ровными рядами банки с льезским сиропом.

Прошлая осень выдалась теплой. В садах шахтеров ветви яблонь и груш склонялись от тяжести плодов. Почти каждый день в приюте появлялись плетеные корзины с фруктами. Мадам Дельпи, экономка, со старшими девочками, закатывала банки с джемами, варила сироп и делала пастилу. Старший священник, отец Андре, отправил коменданту Барбье, подарки, присовокупив свежего меда с пасеки месье Верне. В приюте жили куры, на заднем дворе мадам Дельпи успела разбить небольшой огород.

Завтрак экономка готовила с воспитанницами, поднимаясь в семь утра. Мальчики с отцом Виллемом разжигали плиту и котел в подвале.

Мон-Сен-Мартен стоял на богатейшей угольной жиле в стране, но, по распоряжению коменданта Барбье, церкви и приюту выдавали не сортовой уголь, всего несколько раз за зиму. Гауптштурмфюрер во всеуслышание заявлял:

– Чем холоднее в церкви, тем меньше там болтается людей. Бесконечные мессы отвлекают от работы... – с «Луизы», самой крупной шахты бывшей «Компании де ла Марков», убрали наемный персонал. «Луизу» окружили колючей проволокой, с вышками для автоматчиков. Туда гоняли заключенных евреев из концентрационного лагеря. Бараки располагались за окраиной Мон-Сен-Мартена, тоже обнесенные колючей проволокой. Жены шахтеров знали, когда колонну поведут, в сопровождении собак, на «Луизу». Женщины выстраивались вдоль обочины. Иногда им удавалось передать кому-то из заключенных хлеб или вареную картошку.

Местным жителям в лагерь хода не было, охрану привезли из Германии. Доктор Лануа, из рудничной больницы, попытался предложить коменданту осмотреть людей в лагере. Смерив врача долгим взглядом, эсэсовец отчеканил:

– Совершенно незачем. У нас свои медики... – каждую неделю из ворот лагеря выезжал грузовик с прикрытым брезентом кузовом. Отец Андре мягко попросил коменданта:

– Может быть, стоит обеспечить несчастным христианское погребение, господин Барбье... – семья коменданта происходила из Саара. Эсэсовец отлично говорил по-французски. Холодные глаза сузились:

– Они евреи, ваше преподобие, – усмехнулся Барбье, – скот, неполноценные люди. Не вмешивайтесь в дела администрации, занимайтесь проповедями... – Барбье не был католиком, и вообще не верил в Бога, но в церковь заходил. Пока что оба священника в проповедях ничего крамольного не говорили, но, по мнению коменданта, за проклятыми попами требовалось следить.

Народ в Мон-Сен-Мартене издавна славился тем, что смотрел в рот прелатам:

– Непьющие, работающие люди, – зло сказал Барбье, на совещании, – саркофаги святых от поцелуев блестят, а недели не проходит без диверсии или побега. Они все здесь себе на уме... – технические неполадки на шахтах случались мелкие, но неприятные.

Из лагеря бежать было невозможно, но проклятые евреи ухитрились исчезнуть с «Луизы». Барбье приказал перестроить бывшие комнаты отдыха для шахтеров. Место бильярдных, душевых и радиоприемников заняли нары из острогомеченого дерева. По расчетам коменданта, было безопаснее оставлять заключенных на «Луизе», нежели водить их на обед через поселок. Барбье не доверял угрюмым, молчаливым шахтерам. Он с большим удовольствием сбросил бы весь Мон-Сен-Мартен, во главе со священниками, в одну из отработанных шахт, куда отправлялись трупы умерших заключенных.

Когда в поселок вернулся бывший наследник титула и производств, а ныне отец Виллем, Барбье насторожился. В распоряжении из Берлина, от оберштурмбанфюрера фон Рабе, предписывалось строго следить за священником. Впрочем, отец Виллем вел себя тихо. Он ездил на требы на телеге, занимался с детьми в приходской школе, и навестил развалины бывшего замка.

Барбье знал, что под разрушенными стенами сохранились подвалы, по слухам, средневековые, но пробраться вниз было невозможно. Остатки стен держались на честном слове. Любого, кто попытался бы спуститься в подвалы, могло завалить.

С холма, где раньше возвышался замок, был хорошо виден плац концентрационного лагеря, с виселицей. Солдаты из патруля донесли Барбье, что отец Виллем только побродил между камнями. Комендант решил, что Максимилиан проявляет осторожность. После взрыва в льезском гестапо, когда погибло пять работников, Барбье жалел, что не может арестовать весь поселок и выбить из шахтеров сведения о проклятом Монахе.

На мессах он смотрел в сторону высокого, широкоплечего, коротко стриженного священника. Золотисто-рыжие волосы поблескивали в огоньках свечей:

– Он бывший инженер, разбирается в технике. Подвизался в Конго, в джунглях. Внук святых... – Барбье откровенно заявлял, что Елизавета и Виллем Бельгийские обыкновенные сумасшедшие:

– Они отказались по доброй воле от естественного поведения человека... – комендант раздражал бесконечный поток паломников, навещавший церковь. Он даже хотел закрыть поселок для посещения и устроить пропускные пункты, но начальник брюссельского гестапо заметил:

– Не стоит обострять отношения с католиками, Клаус.

Барбье смотрел на карту оккупированной Европы над рабочим столом:

– Куда ни плюнь, одни святые. Мон-Сен-Мартен, Лизье, Лурд, Ченстохов в Польше, путь Святого Иакова... – Барбье подозревал, что среди паломников, под монашескими рясами, кроется немало евреев. Сантьяго-де-Компостела лежал на границе с нейтральной Португалией. Барбье мрачно думал:

– Жидов в Испании через границу переводят, здесь в Швейцарию отправляют... – отец Виллем, конечно, не мог быть Монахом. Последние годы священник провел в Риме. Барбье решил:

– Будем за ним следить. Он здесь вырос, он все знает. Или Монах его приятель... – гестаповцы несколько раз прочесывали окрестные горы, за осень произошла пара стычек, но в лесах оставались одни трупы, а они, как известно, сказать ничего не могли.

Барбье хотел затребовать в бывшем рудничном управлении карту старых шахт. Инженеры хмыкнули:

– Господин Барбье, плана никогда не существовало. Мы указали на несколько отработанных предприятий, а больше мы ничего не знаем... – инженеры здесь были такими же упрямыми, как и шахтеры. Барбье велел обыскать приют и проверить документы детей. Ничего подозрительного они не нашли. Малыши были сиротами, воспитанниками католических учебных заведений. Они бойко читали молитвы на латыни, перебирая розарий.

Барбье, улыбаясь, спросил: «А кто ваш любимый святой?». Дети, наперебой, закричали: «Елизавета и Виллем, господин комендант». Высокий, крепкий, голубоглазый мальчишка, один из близнецов Мерсье, независимо заметил:

– Святой Франциск Ассизский, господин комендант. Когда я вырасту, я стану священником... – за дальней партой укрылась совсем маленькая девчонка в вязаной шапке:

– Дочка экономки, лишайная, – вспомнил комендант, – я их бумаги регистрировал. Она везде с псом бродит... – пес местной породы не отходил от девочки. Барбье считал, что лучше овчарок и доберманов ничего нет. Комендант не доверял даже бельгийским овчаркам. Свору для лагеря привезли из Дахау в особом вагоне. Шавка, комок черного меха, свернулась клубком у ног девчонки. Пес носил хороший кожаный ошейник:

– Маргарита, верно... – Барбье заметил длинные, черные ресницы девчонки, – три года ей. В справке написано, что она заразная... – ему не понравился нос малышки, с заметной горбинкой. Глаза у нее были большие, голубые. На белых щеках виднелись летние веснушки:

– Святая Тереза из Лизье... – пискнула девчонка, – но я стану принцессой, когда вырасту... – Барбье ее не касался, но все равно прошел в ванную, вымыть руки. В чистой комнате лежало простое мыло и холщовые полотенца. Мадам Дельпи, одобрительно подумал комендант, свое дело знала.

Если бы экономка не была такой бледной и скромной, она даже могла бы сойти за хорошенькую женщину. По бумагам мадам оказалась вдовой, уроженкой Вербье, городка рядом с Льежем. Экономка предъявила справку о том, что ее муж погиб при Дюнкерке. Близнецы Мерсье оказались детьми ее соседки, недавно умершей от чахотки.

Барбье смотрел на католический стальной крестик, на темное платье женщины:

– Едва за двадцать, а одевается будто монахиня. Хотя я слышал, что священники живут с экономками... – мадам Дельпи вела хозяйство прелатов. Отцу Андре шел седьмой десяток, однако новый священник, по мнению Барбье, вполне мог соблазниться почти отсутствующими прелестями экономки. Женщина шмыгала по поселку, как мышка. Раз в неделю она ездила в Льеж, за провизией.

Гауптштурмфюрер сначала хотел организовать за ней слежку, но потом зевнул:

– Зачем? Тихоня, она собственной тени боится. Даже если она в городе с отцом Виллемом развлекается, это не мое дело.

Мадам Дельпи аккуратно ходила к мессе с детьми из приюта. Учились они с поселковыми ребятами. Барбье забрал поселковую школу под штаб. Дети теснились по сорок человек в классе. Обучали их по инструкциям, присланным из Берлина. Из программы выбросили Шарля де Костера, как неблагонадежного писателя. На уроках читали спешно переведенные отрывки из «Майн Кампф», в классах развесили портреты фюрера. Распятия, правда, в школе остались. На этот счет указаний не поступало.

Из библиотеки давно убрали книги евреев и коммунистов, устроив костер на площади. Перед бывшим шахтерским клубом, где размещалась комендатура, поставили щит, где вывешивались распоряжения администрации, коллаборационистская газета *Le Pays Réel*, и плакаты, призывающие вступать в добровольческую дивизию СС «Валлония». На лбу мужественного юноши, в стальной каске, с молниями каждую неделю появлялось крепкое словечко на валлонском диалекте. Барбье менял плакаты, хулиганов поймать не удавалось. С осени, с начала призыва, в Мон-Сен-Мартене в дивизию не записался ни один человек.

Мадам Дельпи принесла кофе священникам и какао детям. Отец Андре, ласково, сказал:

– *Agimus tibi gratias, omnipotens Deus...* – ребята наперебой продолжили:

– ...*pro universis beneficiis tuis, qui vivis et regnas in saecula saeculorum...* – под столом Маргарита дала Гамену кусочек блина. Собака лизнула пальцы девочки.

Они все знали, как их зовут, на самом деле, знали, кто такая мадам Дельпи. Отец Андре и отец Виллем объяснили, что это игра:

– Пока идет война... – улыбнулся старший священник, – мы будем в нее играть. Нам станет веселее, милые, но надо всегда соблюдать правила... – Маргарита и ее братья начали играть еще до Мон-Сен-Мартена. Другие дети тоже приехали из католических приютов, с чужими документами. Маргарите немного завидовали, она жила в одной комнате с матерью. Все остальные предпочитали не говорить о родителях, хотя Иосиф и Шмуэль были уверены, что мать после войны заберет их домой. Об отце они не упоминали. Дети знали, что отца увезли на восток, как и других отцов и матерей ребятишек, что жили с ними в приюте. Кто-то из подростков хмуро сказал:

– Оттуда не возвращаются, поверьте моему слову... – мальчика вытолкнул из вагона, шедшего на восток, его отец. Подростка со сломанной ногой подобрал путевой обходчик. Старик скрывал мальчика дома два месяца, а потом через иезуитов его отправили в Мон-Сен-Мартен. Весь поселок тоже участвовал в игре. В церкви Маргарите даже становилось смешно. Она оглядывала заполненные людьми ряды скамей:

– Все знают, кто такая мамочка. Но никто, никогда не донесет немцам... – мадам Дельпи с дочкой ходила в гости к женам шахтеров. Им открывали заднюю комнату или кладовую. Под холщовыми чехлами стояла мебель из замка, хранились ковры и шпалеры. Маргарита слышала голоса хозяев:

– Мадам Кардозо, пожалуйста, не беспокойтесь. После войны мы отстроим замок. Переедете туда с мадемуазель Маргаритой... – молитва закончилась, девочка соскочила со скамейки. Сегодня была суббота, выходной. Мать уезжала в Льеж за провизией, а они с дядей Виллемом убрали приют. Девочка подхватила банку с фруктовым сиропом. Серые глаза дяди весело взглянули на нее:

– Дай мне хотя бы ложку забрать, милая... – Маргарита ждала конца войны, чтобы отрастить косы. Два раза в месяц в умывальной мать наголо стригла ее кудрявые, черные волосы и мазала голову зеленкой. Девочка со вздохом посмотрела на братьев:

– Им хорошо, они светловолосые... – дети шумели на кухне, журчала вода в кране. Виллем вышел в переднюю. Сестра стояла перед зеркалом, в поношенном сером пальто, в крепких ботинках. Насадив шляпку на золотистые волосы, Элиза взяла саквояж:

– Я к вечеру вернусь, как обычно. На обед рагу из мясных обрезков... – она коротко усмехнулась, – девочки пюре сделают, рисовый пудинг... – Виллем, наклонившись, поцеловал нежную щеку:

– Ты осторожней, пожалуйста.

От сестры пахло знакомо, лавандой. Она кивнула: «Не беспокойся».

Священник открыл дверь, поежившись от утреннего холода:

– Она к причастию не подходит, я видел. Почему? Но не спросишь у нее... – Виллем перекрестил узкую спину в сером пальто. Сестра забирала с почты письма и выходила в эфир с передатчика, хранящегося под полом маленькой квартирки в рабочем квартале Льежа:

– Это опасно... – вздохнул священник, – но мне туда ездить еще опаснее. Здесь дети, два десятка, мальчишки кузины Эстер, Маргарита. Отец Андре старый человек, я за них ответственен. Одному Гамену можно бегать по округе... – в ошейник собаки вкладывали записки для Монаха. Виллем понятия не имел, кто это такой. Сестра туманно заметила:

– Чем меньше о нем знает людей, тем лучше... – Виллем согласился. В газетах писали, что немцы все еще окружают Москву, но в Северной Африке Роммель терпел поражения.

– Раньше через ирландцев можно было с Лондоном связаться... – достав из кармана рысы мешочек с табаком, Виллем свернул папироску, – а теперь мы, как на острове. Отец Андре сказал, что Элиза все равно, что вдова. Впрочем, они и не венчались с Давидом... –

огибая угол церкви, белого мрамора, Элиза оглянулась. Брат покуривал, прислонившись к косяку двери:

– Если бы он знал... – морозный воздух обжигал щеки. Элиза с отвращением посмотрела на нацистские флаги у входа в бывший клуб:

– Если бы он знал, что меня отлучили от церкви... – отец Андре развел руками:

– Посмотрим, что дальше будет. Пока молитесь, раскаивайтесь в смертном грехе, в убийстве невинного существа... – отлучение мог снять епископ, но, по мнению отца Андре, прошло слишком мало времени.

Элиза наступила на изморозь, на булыжниках мостовой, голова немного закружилась. Она остановилась, подышав:

– Это дитя у нас никто не отнимет. Эмиль отправит меня во Францию, с Маргаритой и мальчиками, как паломников. Кузен Мишель заберет нас из Лизье и довезет до Бретани... – она ничего не скрывала на исповеди, честно признавшись, что собирается рожать ребенка вне брака. Отец Андре вздохнул:

– Что я могу сказать? Сейчас время такое. Крестите дитя, введите его в ограду святой церкви... – Элиза, поджав губы, ничего не ответила.

– Потом, – она быстро шла к станции, – после войны. Мы с Эмилем решим, что дальше делать... – Элиза, украдкой, посчитала на пальцах:

– Сентябрь. Эмиль рад, так рад... – она почувствовала, что краснеет. Монах ждал ее в Льеже, на вокзале:

– Всего раз в неделю мы видимся, – грустно подумала Элиза, покупая билет, – и он всегда жизнью рискует. Ему нельзя в городе появляться... – она вышла на перрон. На горизонте виднелся дымок льежского дизеля:

– Хорошей поездки, мадам Дельпи! – подмигнул ей дежурный по станции. Он зазвонил в медный, прошлого века колокол: «Девять утра! Девять утра, отправление на Льеж!».

Льеж

В кафе, напротив вокзала, несмотря, на субботнее утро, было многолюдно. Пахло горячими вафлями и шоколадом. Патроны неторопливо листали *Le Soir*. Наверху, на полке, уставленной бутылками, бубнило радио. На стенах, в серебристом, табачном дыму, виднелись афиши новых фильмов. В кинотеатре для немецких солдат, куда местных жителей пускали на один сеанс, показывали «Дядюшку Крюгера». Во французских залах крутили любовную драму, «Шторм», с Жаном Габеном.

Рядом висел плакат Организации Тодта. Крепкий юноша в шахтерском комбинезоне указывал на восток, в сторону терриконов и фабричных труб: «Бельгийский рабочий! Предприятия Германии ждут!». Афиш о записи в добровольческую дивизию валлонского СС в кафе не держали, но над стойкой с пирожными свешивался нацистский флажок.

Хорошо одетый мужчина, лет тридцати, при шляпе и пальто, принял у хозяина поднос с двумя чашками кофе и бриошью. На лацкане костюма блестел значок фашистской партии Валлонии, рексистов, корона с крестом и буквой «R». Под мышкой он зажимал коллаборационистскую газету, *Le Pays Réel*. Пальто посетитель расстегнул, но шляпы снимать не стал.

Хозяин кафе посмотрел ему вслед. Мужчина носил пенсне в железной оправе, нос у него был длинный, глаза, зоркие, внимательные. Хозяин задумался:

– Пока Гитлер не начал воевать с Америкой, у нас тамошние фильмы крутили. Прошлой осенью успели показать «Мальтийского сокола». Правильно, он похож на Хамфри Богарта... – владелец кафе пожалел, что Германия и США стали противниками. Немцы снимали одни пропагандистские фильмы, вроде «Дядюшки Крюгера», а правительство Виши жалело денег на кинематограф. Большинство продюсеров перебралось из Франции в Америку. В стране выпускалась едва ли пара фильмов в год. Вспомнив довоенного «Человека-зверя» с мадемуазель Аржан, в чулках и корсете, хозяин даже вытер пот со лба салфеткой:

– Она, наверное, тоже давно в Голливуде. Впрочем, американских фильмов нам долго не увидеть... – патрон походил на частного сыщика Сэма Спейда, в фильме. Он и курил так же, зажимая сигарету в углу рта:

– Должно быть, какой-то служащий у немцев... – значок со свастикой блестел на утреннем солнце, – хотя у меня подозрительных разговоров не ведут... – нацистский флажок хозяин прибил прошлой осенью, после взрыва в здании льежского гестапо, когда эсэсовцы прочесывали город.

Хамфри Богарт, закинув ногу на ногу, покачивая носком начищенного ботинка, обсуждал что-то с приятелем. Газета лежала на столе, рядом с блокнотами и тарелкой с бриошью:

– И шляпу он не снимает, – усмехнулся хозяин, – точно Сэм Спейд... – зазвенела касса, он забыл о посетителе.

Внутри газеты хранился неприметный лист бумаги с искусно вычерченной схемой. Гольдберг отпил кофе:

– Смотри... – он взялся за карандаш, – мне сообщили о времени отправления следующего транспорта. Он идет через Аахен в Кельн, и дальше... – Эмиль поморщился, – однако нам надо перехватить поезд, не дожидаясь немецкой границы. Здесь... – Монах поставил точку на карте:

– Тамошние ребята заранее подтянутся к мосту и устроят взрыв. Состав замедлит движение, немцы забеспокоятся... – Монах задумался:

– В охране подобных поездов не больше сорока человек, а нас ожидается двести. Сотня моя, из Арденн... – вообще Гольдберг воевал в группе С, пятого сектора, пятой зоны,

но Эмилю было откровенно лень все это произносить. Перехватив укоризненный взгляд собеседника, Гольдберг бодро добавил:

– И сотня из четвертой зоны, из Брабанта... – Виктор Мартен, соученик Гольдберга по университету Лувена, закатил глаза:

– Эмиль, мы договаривались на совещании... – в целях безопасности бельгийское Сопротивление разделили на зоны и секторы.

Работы было много. Кроме диверсий и саботажа, партизаны устраивали побеги военнопленным и евреям. Людей переправляли на юг, переводя через швейцарскую границу или территорию вишистской Франции. Немцы пока оккупировали только север страны. Путь через Лион и Марсель в нейтральную Испанию оставался свободным.

Они наладили и дорогу на запад, через Лизье, и Ренн. В Ренне отряды Сопротивления поддерживали связь с Британией. Из порта Сен-Брие, на северном побережье, рыбаки ходили в Дартмут. Гольдберг собирался отправить этим путем Элизу и детей. Эмиль напомнил себе:

– Как можно скорее. Она, конечно, хочет остаться, но нельзя рисковать... – он поймал себя на улыбке.

Начиная с осени, Эмиль почти всегда улыбался. Ребята в отряде смотрели на него недоуменно. Они привыкли, что Монах, в общем, довольно хмурый человек и шутит редко. Никто ничего не спрашивал. Отлучки в Льеж считались деловыми поездками. Монаха люди уважали, воевал он с такими же молчаливыми, немногословными местными уроженцами. Поездки действительно были деловыми. Монах встречался с руководством Сопротивления и передавал материалы для радииста.

Виктор принес еще кофе:

– Значит, некий футляр ты забираешь? – Эмиль кивнул:

– От квартиры мы откажемся, я умею обращаться... – он пощелкал длинными пальцами, – с футляром. Здесь небольшой город, все на виду... – безопасную квартиру сняли в приречном квартале рядом с портом. Зная, что Элиза выходит в эфир, Гольдберг все равно беспокоился. На последней встрече, в прошлую субботу, он приложил палец к ее губам:

– Не надо спорить, пожалуйста. Письма из ящика я буду забирать, ты оставишь ключ... – информация приходила из Берлина. Элиза научила его шифру. После ее отъезда Гольдберг брал на себя передачу данных в Лондон. Держать радио в лесу было безопасней, чем в Льеже, или Брюсселе, утыканных немецкими войсками:

– В общем... – он намазал масло, на бриошь, – я останусь без радииста на какое-то время. Но я справлюсь, а потом сюда пришлют нового человека... – Элиза пока никому не сообщала об отъезде, даже брату. Не знали об этом и в Блетчли-парке, но Гольдберг затруднений не предвидел.

– Все просто, – ласково сказал он, – надену свой обычный наряд... – Элиза хихикнула, – иезуита. Довезу вас до Лизье, передам с рук на руки твоему кузену, Маляру... – Гольдберг подмигнул ей. Они были далеко от Бретани, но успели провести несколько совместных акций на французской границе, с местным Сопротивлением. Эмиль слышал и о Маляре, и о Драматурге и о Монахине. Элиза сказала, что Маляр и Монахиня обвенчались:

– Несмотря на войну... – она улыбалась, – видишь, как бывает. И кузен Стивен женился, только он погиб и дочка у него круглая сирота... – в сумерках заблестели ее большие, голубовато-серые глаза. Он поцеловал нежные веки, каждую влажную ресницу:

– Если бы я мог с тобой пойти в мэрию, мадам Дельпи, я бы сделал бы это прямо сейчас... – он лежал, устроив ее голову на плече, – только сначала оделся бы... – она заулыбалась. Эмилю стало спокойно:

– Прямо сейчас, – повторил он, – после войны я так и сделаю. В первый день победы... – он, тогда, отчего-то, подумал:

– Интересно, каким он станет, первый день? В Европе высадутся союзники. Русские отбросят Гитлера от Москвы. Дожить бы... – от золотистых волос пахло лавандой. Она, почти неслышно сопела ему в плечо:

– А во-вторых, – Эмиль прижал ее к себе, – никто сиротой не останется. У Маргариты есть отец, то есть я... – о бывшем муже Элизы они не говорили, – и если что-то случится... – Гольдберг махнул на восток, – то мальчишек мы вырастим, конечно. И тебя, малыш, и твоих братьев и сестер... – он положил ладонь на белую кожу.

О ребенке Эмиль думал почти благоговейно. Элиза не могла пойти в рудничную больницу. Они доверяли доктору Лануа, помогавшему Сопротивлению, но все равно, стоило соблюдать осторожность. Эмиль сам измерял ей пульс, Элиза весело смеялась:

– Все хорошо, милый. Голова немного кружится, но даже не тошнит... – он знал о ребенке, которого ждала Элиза, в прошлом году. Гольдберг ничего не стал говорить. Он просто держал ее в руках, слушая тихие всхлипы. Эмиль шептал:

– Все закончилось, и никогда не вернется, любовь моя. Мы всегда останемся вместе... – он пообещал себе:

– Больше никогда Элиза не заплачет, пока я жив. Но ей надо уехать, с детьми... – за приют Эмиль не беспокоился. Он пока не встречался с братом Элизы, но мальчишки из поселка, связные, хвалили святого отца. Эмиль помнил Виллема с довоенных времен:

– Он хороший человек, надежный. Ребятишки с ним в безопасности. Они останутся в Мон-Сен-Мартене до конца войны, а потом их родители вернутся. Наверное... – двадцать детей в приюте были малой частью двадцати тысяч евреев, скрываемых Сопротивлением в бельгийских монастырях, на отдаленных фермах, и безопасных квартирах. Эмиль не очень хотел думать, что профессор Кардозо тоже может вернуться. Монах, обычно, зло говорил себе:

– Пусть попробует. Его осудят, за коллаборационизм, Элиза с ним разведется. Нечего здесь обсуждать... – Эмиль надеялся, что Звезда, как он ее называл, выживет и заберет близнецов.

Виктор тоже собирался на восток. До войны Мартен защитил докторат, по социологии. Приятель преподавал в университете Лувена. Виктор списался с академическими знакомыми, в Германии, объясняя, что готовит монографию, об устройстве рабочих из Бельгии и Франции, на немецких предприятиях. Он получил приглашения, от профессоров из Кельна и Бреслау. Брюссельское гестапо выписало доктору Мартену разрешение на проезд по рейху. Из Лондона сообщили адрес безопасного ящика Звезды, на варшавском почтамте. В Льеж пришло невинное письмо. Фрейлейн Миллер сообщала, что ожидает гостя. Мартен ехал в Польшу для сбора информации о немецких лагерях, где, по слухам, содержались евреи.

– И что? – как обычно, спросил себя Гольдберг:

– Виктор будет рисковать жизнью, Звезда каждый день это делает, а ни Британия, ни Америка, ни даже Россия, и пальцем не пошевелили, чтобы спасти евреев. Они заняты сражениями, в Северной Африке, в Бирме, под Москвой. Правильно Звезда говорила. Никто, кроме нас самих, нам не поможет... – вспоминая Эстер, Гольдберг, немного, краснел. Эмиль ничего не рассказывал Элизе, подобное было недостойно мужчины:

– Тем более, она бывшая жена ее мужа. Бывшего мужа... – поправил себя Гольдберг:

– Он предатель. Оставайся он здесь, голландские ребята давно бы его пристрелили. Или я бы лично съездил в Амстердам, не поленился... – они с Виктором просмотрели некий список, где значились инициалы. Некоторые пункты они пометили галочками. Это был план казней коллаборационистов, как хмуро думал Гольдберг, на ближайшие полгода.

Он передал Виктору блокнот с материалами для подпольного издания *La Libre Belgique*. Газету издавали тайно, в провинциальных типографиях, в ночное время, и распространяли через подростков, курьеров. Виктор ехал на печатный пресс, в маленьком городке

Вервье. В статьях не упоминались имена командиров Сопротивления, или детали операций, но люди узнавали о саботаже, или взрывах, на железных дорогах. В немецких и коллаборационистских газетах, кричали, что вермахт скоро промарширует по улицам Москвы и Ленинграда.

– С осени они никуда не двинулись, – усмехался Гольдберг, – узнали, что такое русская зима... – предок Гольдберга служил в наполеоновских войсках. В семье передавались рассказы о дедушке, едва не замерзшем насмерть, при отступлении от Москвы. Услышав из Лондона, что русские, немного отогнав немцев, освободили несколько городов, Эмиль заметил ребятам:

– Правильно. Нельзя терять надежды. Будем сражаться, и в Бельгии случится, то же самое... – провожая Виктора на вокзал, Эмиль бросил взгляд на часы. Она всегда приезжала дизелем, в десять утра. На лотке Гольдберг купил букетик белых роз.

Виктор поднял бровь:

– Жаль, что у меня нет камеры. То есть сниматься нам нельзя... – над лотком наклеили плакаты, о розыске Монаха, – но на будущее я бы тебя запечатлел, для музея. Зачем тебе цветы?

– Для конспирации, – наставительно ответил Гольдберг:

– Твой дизель, на Вервье... – Эмиль, внезапно, остановился, среди утренней толпы:

– Мы и не думали, Виктор, в университете, что все так обернется. Я совершенно точно не представлял, что начну стрелять, заниматься взрывами... – Мартен покачал головой:

– Ты занимаешься взрывами, а я сижу в университете, и выполняю заказы немецкой администрации. Иногда даже удается что-то полезное узнать... – он обещал Гольдбергу:

– Ребятам из Брабанта, то есть из четвертой зоны, мы все передадим... – Гольдберг помахал вслед вагону. Он понял, что опять улыбается. Озабоченно посмотрев на замерзшие цветы, Эмиль подышал на лепестки:

– Дома, то есть на квартире, надо в банку поставить. Хлеб я купил, сыр тоже, кофе есть... – посмотрев на табло, Эмиль быстро пошел на шестую платформу, куда прибывал пригородный состав, из Мон-Сен-Мартена.

Брюгге

Максимилиан проснулся рано, от звона колоколов церкви Нотр-Дам, по соседству с гостиницей. Оберштурмбанфюрер занимал лучший номер, в отеле Ter Brugge, с личной террасой. Деревья стояли в легкой изморози, сверкало утреннее солнце, но вода не замерзла. На темной глади канала медленно скользили белые и черные лебеди. На часах церкви играла далекая музыка.

Закинув руки за голову, Максимилиан рассматривал деревянные балки потолка. В камине едва слышно потрескивали дрова, номер натопили. Он приехал в город вчера, остановившись по дороге в Генте. Фюрер подписал распоряжение об отправке Гентского алтаря из музея города По в Германию. Максу поручалось собрать в местных архивах материалы, касающиеся истории алтаря. Они бы понадобились для будущего музея фюрера, в Линце.

Из Парижа, почти каждый месяц, отправлялись составы с картинами, рисунками, и книгами, из частных коллекций евреев, но до сокровищ Лувра ведомство рейхсляйтера Розенберга пока не добралось. У Макса, в бумажнике, лежало удостоверение оперативного штаба рейхсляйтера. Оберштурмбанфюрера наделяли самыми широкими полномочиями, в поиске и транспортировке ценностей, достойных находиться в музее фюрера. Макс намеревался воспользоваться своими привилегиями. Кураторы Лувра, оставшиеся в городе, упорно молчали, о местонахождении «Джоконды», античных скульптур, «Мадонны канцлера Ролена», и бриллиантов, из коллекции музея. Макс хотел найти мальчишку, где бы он ни прятался. Оберштурмбанфюрер был уверен, что, попадись бывший куратор, а ныне, как он думал, бандит, ему в руки, кое-какие сведения он бы выдал.

Закрывая глаза, с недавних пор, Макс видел сияние темно-синего алмаза, и спокойный взгляд 1103. Женщина снилась ему, по ночам. Максимилиан, с группенфюрером Мюллером, обыскал каждый метр побережья острова Узедом. Водолазы прочесали мелководье. 1103 будто растворилась, в тумане, над морем, в шуршании белого песка, и шорохе камышей.

– Растворилась... – Макс потянулся за сигаретами, на столике резного дуба, – забрав с собой два десятка человек, из охраны... – машине оставалось три километра до ангара, когда пуленепробиваемые стекла мерседеса заколебались. Вихрь понес по равнине куски алюминия, на горизонте расцвел столб огня. Макс подумал:

– Оружие возмездия. Не ракеты, творение Вернера, а бомба. 1103, единственная в мире, могла бы ее сделать. Никто, кроме нее, на подобное не способен... – от конструкции, ангара, ограждения, и охраны не осталось и следа. Макс видел воронки от мощных бомб, на Восточном фронте. Даже когда пожар потушили, по краям ямы оставались скрученные обломки чего-то дымящегося. Чертежи не пострадали, бумаги хранились в сейфе инженерного управления, у Вернера, но с атакой Японии на США планы строительства дальней авиации отложили.

Более важным для Германии стало летнее наступление на востоке. Фюрер хотел прорваться к Волге и нефтяным промыслам Каспия. Гиммлер остался недовольным провалом в Пенемюнде, и бесследным исчезновением 1103. Макс, иногда, ловил себя на том, что почти хочет смерти 1103:

– Пусть она лежит на дне моря... – он видел спокойные глаза, цвета жженого сахара, – пусть никто, никогда не сможет воспользоваться ее разумом... – папка леди Констанцы осталась у Макса, но без 1103 разобраться в бумагах было невозможно. Оберштурмбанфюрер запер документы в личном сейфе, в кабинете. Он понимал, что рисунок, на раме зеркала, на эскизе Ван Эйка, является ключом, к шифру в папке, но Макс не хотел вмешивать в анализ бумаг других математиков. Более того, он и не надеялся, что кто-то, кроме 1103, поймет

сведения, написанные странными, округлыми значками. Макс разглядывал карты неизвестных местностей, рисунок семи камней, напоминавших дольмены:

– Она унесла тайну с собой... – Макс, невольно, сжимал длинные пальцы в кулак. Он помнил свой шепот:

– Драгоценная, моя драгоценная... – он помнил узкую спину, веснушки, на худых, выступающих лопатках, коротко стриженные волосы, цвета старой охры. Он вынимал набросок Ван Эйка. Женщина смотрела на него прямо, откинув голову. Макс, осторожно, едва дыша, водил пальцем по незаметной груди, по худым бедрам, касался надписи ALS IK KAN.

– Как я мог... – 1103 была рядом, он обнимал ее, по ночам. Он дремал, прижимая ее к себе. Шумело море, за окном:

– Я никогда такого не делал, – понимал Макс, – никогда не засыпал, рядом с ней... – он почти боялся твердого взгляда женщины, на рисунке. Макс, сам не зная, почему, думал, что ее тоже звали Констанцей:

– Она позировала Ван Эйку. Знать бы еще, кто она такая... – в Генте, в архивах, он долго смотрел на копии алтаря, на мадонну, с бронзовыми волосами. Максусу казалось, что мастер, в эскизе, и в алтаре, использовал одну и ту же модель:

– Они похожи, – понял Макс, – 1103 и жена Генриха... – глаза у невестки были тоже спокойными, цвета прозрачной воды, под летним солнцем:

– Даже странно... – Макс, невольно, поежился, – отчего бы им быть похожими... – отогнав эти мысли, он велел закрывать ящики, с документами по алтарю.

Оберштурмбанфюрер заказал номер в гостинице, в Брюгге. В Генте не сохранилось сведений о неизвестной модели, но Максимилиан надеялся найти что-то в городе, где работал мастер. Время у Макса было, он никуда не торопился.

Он провел Рождество с отцом и Эммой, не упоминая о фиаско в Пенемюнде. После нового года, выслуживаясь перед рейхсфюрером, он отправился на Восточный фронт. До фронта, Макс, конечно, не доехал, однако побывал на окраинах осажденного Ленинграда. Он даже летал бортовым стрелком, на бомбежку города. Гиммлер, как и фюрер, любил, когда подчиненные проявляли личный героизм.

Полет, впрочем, оказался безопасным. Пилот Люфтваффе хохотнул:

– Партайгеноссе фон Рабе, это все равно, что летать над кладбищем. В городе съели кошек, и перешли на крыс. Они все трупы, – пренебрежительно добавил авиатор, – еле ноги переставляют. Ни о какой зенитной артиллерии даже речь не идет... – немецкие и финские части, окружавшие Ленинград, получили приказ стрелять в перебежчиков из города. Оккупированные территории ломились от военнопленных. Людей было некуда девать, хотя в лагерях их держали на самой скудной пайке.

Макс знал о лагере для высших офицеров, оказавшихся в плену. У него не оставалось времени посетить бывшую Украину, но в самолете он достал блокнот. По мнению Макса, требовалось обратить внимание на генералов, недовольных политикой Сталина. Юнкерс летел на юго-запад, в бывшую Белоруссию. Глядя в иллюминатор, он, с удовольствием понял, что везде простирается территория рейха:

– Отто вернется из Арктики, женится, обоснуется на украинских черноземах, в деревне СС, – Макс усмехнулся, – и я женюсь, скоро... – он рассеянно пощелкал резинкой блокнота:

– Таким образом, посредством контактов с правыми, консервативными кругами белой эмиграции, и вовлечением в работу бывших кадровых офицеров РККА, мы сможем создать... – задумавшись, Макс быстро дописал: «Армию по освобождению России».

Он улыбнулся, тонкими губами:

– Украинцы, белорусы, русские, в очереди стоят, чтобы попасть в местную полицию. За близость к кормушке человек все, что угодно сделает. Профессор Кардозо тому пример.

Отто пишет, что еврей в Аушвице работает. Мы вытащим офицеров из лагерей, где они едят мерзлую конину, дадим звания, форму... – Макс сделал примечание:

– Можно рассмотреть вопрос о создании марионеточного государства... – он принял от стюарда, в форме СС, чашку бразильского кофе:

– В конце концов, в Словакии мы на такое пошли, а они тоже славяне. Славянам нужна твердая рука, они все в душе рабы. И они мягкие люди, без еврейского упрямства... – подумав, что Муха стал бы отличным кандидатом, в подобное формирование, Максимилиан махнул рукой: «Где его сейчас искать, Муху? Но мы отлично обвели его вокруг пальца. Его, Сталина, все СССР».

Европейские коллаборационисты вели себя примерно, впрочем, вишистское правительство было обречено:

– Прикроем лавочку... – потушив сигарету, он взял папку с рисунком, – через юг Франции течет поток евреев, а они ничего не могут сделать. То есть не хотят, – женщина стояла в тазу. Он полюбовался хрупкой шеей, выступающими ключицами:

– Я тебя найду, – пообещал Макс, – найду, моя драгоценная, живой, или мертвой... – в архивах, оберштурмбанфюреру не удалось отыскать никаких данных о предполагаемой модели Ван Эйка. Макс, особо, и не надеялся на удачу, прошло пять сотен лет. Ему просто нравилось бродить по каменным улочкам города, по безлюдной площади, у ратуши, слушая звук своих шагов. Оберштурмбанфюрер вспоминал автопортрет Ван Эйка, в красном тюрбане, виденный в Национальной Галерее, в Лондоне. Художник пристально, внимательно смотрел с картины. Макс разглядывал игру складок, на тяжелой ткани, легкие морщины, под темными глазами:

– Кого ты рисовал... – напоследок, проведя рукой по плечу женщины на рисунке, он даже вздрогнул. Максу показалось, что 1103 рядом с ним.

Вчера он постоял у Мадонны Микеланджело, в соборе Нотр-Дам. Статую собирались отвезти в замок Нойшванштайн, в Баварии, где собирали шедевры, для музея фюрера. «Астроном» Вермеера, из коллекции Ротшильдов, уже находился в залах Нойшванштайна. В будущем туда отправляли панели Янтарной комнаты. Пока драгоценность хранили в Кенигсберге.

После Ленинграда, Макс остановился в Белоруссии. В Минске он участвовал в одной из акций, за городом, в новом концентрационном лагере. Оберштурмбанфюрер привез для домашней галереи отличный, древний крест, кипарисового дерева, с золотом и драгоценными камнями.

– Какая – то местная святыня... – Макс зевнул, – как рака святой Урсулы, здесь, в Брюгге... – рака, работы Ганса Мемлинга, пока стояла, волшебной, золоченой игрушкой в часовне при госпитале Иоанна Крестителя. Реликвия тоже попала в список кандидатов на поездку в Линц. Убрав рисунок, Максимилиан взял с деревянных половиц неприметную папку. В начале декабря фюрер подписал распоряжение «Nacht Und Nebel».

– Все партизаны, – пробормотал Макс, – все Монахи, Маляры, и так далее, больше не существуют... – директива предписывала похищение лидеров подполья, и отправку их в Германию. Людей лишали имен, оставляя только номера и пометку «NN». Коменданты концентрационных лагерей получили приказ, не держать никого из подобных заключенных в живых.

– Никто не узнает, как их звали, – Макс, легко, поднялся, – сдохнут без имени, сгорят, унесутся в трубу крематория... – вчера он гулял по городу в штатском костюме. Зная о местных бандитах, Макс был осторожен. Он совершенно не хотел оказаться на дне канала:

– И месье Корнель сдохнет, медленно и мучительно... – Макс прошел в ванную, – но сначала отдаст алмаз... – вечером Макс посидел с кружкой малинового пива, в кабачке

Vlissinghe, старейшем заведении в Брюгге. Просмотрев отчеты из гестапо в оккупированной Европе, он наметил себе список будущих арестов, по приказу «Ночь и Туман».

– И в Норвегии всякие негодяи голову поднимают... – киркенесское гестапо не нашло полковника Кроу. Максу это не понравилось:

– Он один раз бежал из плена, он мог и сестру свою похитить... – Макс посмотрел на дату крушения самолета:

– Ноябрь. Норвегия рядом. Он вполне бы успел оказаться в Пенемюнде. Поляки сообщили в Лондон, что она на полигоне. Лондон связался с норвежскими бандитами. Все просто... – по настоянию Макса, всех польских рабочих со стройки концлагеря убрали:

– Генрих не обеднеет, у него русские появились. Полякам нельзя доверять... – подытожил Макс.

Он похлопал себя по холеным щекам:

– Я здесь выпался, наконец-то. Но еще лучше выплусь с женой... – он взял эссенцию для бритья, от Санта Мария Новелла. Барбье переводили начальником гестапо в Лион.

– Но пока я навещу Клауса, – Макс, аккуратно, сбрасывал светлую щетину, опасной бритвой с ручкой слоновой кости, – и господин Монах поедет в рейх. Скажем, в Дахау, или Бухенвальд. Первым заключенным по директиве «Ночь и Туман». И мой бывший соученик поедет с ним, во главе жидовского кагала... – Макс поморщился, – только сначала расскажет, в каком монастыре его сестра прячется... – дочь Элизы, как и остальных еврейских детей, ждал Аушвиц.

– Она не доживет, – Макс завязывал итальянский галстук, запонки сверкали бриллиантами, – ей три года едва исполнилось. Сдохнет в дороге, их почти не кормят... – надев пиджак от Зеньи, он запер дверь номера. Завтрак в отеле подавали отличный, потом Макса ждал городской музей. Лимузин из брюссельского гестапо вез его на закрытое совещание и обед, в столице. Завтра оберштурмбанфюрер ехал в Мон-Сен-Мартен.

Льеж

К вечеру подморозило. Окна кухни, выходявшие на задний двор старого, прошлого века дома, покрылись белыми разводами. Широкий, мощный Маас протекал рядом. Над крышами рабочего квартала вились чайки. Небо стало прозрачным, зеленоватым. Еще не взошла луна, только вдали, у горизонта, виднелся слабый, косой серпик.

В Льеже Элиза покупала пряности, изюм и цукаты, для выпечки. Она всегда привозила детям подарки. Женщина заходила в писчебумажную лавку, у вокзала, где по дешевке продавали довоенные номера детских журналов. Элиза разглядывала еще не выцветшие рисунки. Здесь не было войны и депортаций, нацистских флагов, танков и артиллерии. Она смотрела на детей, в скаутской форме, на фотографии пляжа в Остенде, на яхты и лодки:

– Виллем катал меня, на лодке, когда мы с папой и мамой на море отдыхали... – Элиза сглатывала слезы, – Господи, дай моим родителям жизнь вечную, в садах Твоих. И прости меня, прости... – в Мон-Сен-Мартене она призналась в своем грехе на первой исповеди. Элиза понимала, что ее отлучат от церкви. Иначе ни один священник не поступил бы. Даже война не оправдывала ее поведения.

Элиза стояла на маленькой кухоньке, над плитой, слушая шипение газа. Перевернув лопаточкой жарящийся хлеб, она переступила босыми, нежными ногами по деревянным половицам. Эмиль спал. Он улыбался, обнимая ее, уткнувшись лицом куда-то в плечо:

– Я и в шахте днем сплю, любовь моя. Мы все так делаем. Главная работа по ночам случается... – Элиза не навещала заброшенную шахту, в десяти километрах от Мон-Сен-Мартена, в глубине гор, где размещалась база отряда Монаха. Такие прогулки были опасны, по лесу шныряли гестаповские патрули. У Монаха, в Арденнах, было две сотни человек, разбросанных по нескольким подобным выработанным шахтам:

– И вообще... – Эмиль накрыл ее тонким, протертым одеялом, – я и до войны привык днем спать, после больничных дежурств... – впервые Элиза увидела его летом, через неделю после того, как появилась в городке.

Документов у нее не имелось. Элиза с близнецами и Маргаритой скрывались в подвале больницы, в кладовой. У мальчишек были метрики близнецов Мерсье, но, прежде чем идти в гестапо, на регистрацию, Элизе требовалось обзавестись паспортом. Доктор Лануа сказал, что ее будут ждать в полночь, у старого, каменного моста, где в прошлом веке стоял охотничий дом де ла Марков.

– Человек из Сопротивления... – добавил доктор, – он вас узнает, не беспокойтесь... – Лануа замялся, – он здешний. Видел вас, до войны... – тихой, звездной ночью, уложив детей, она выскользнула из больницы через черный ход. Элиза пробралась задворками поселка к восточной дороге, ведущей на холм, к развалинам замка, и оттуда, в горы. Она почти бежала, оглядываясь на тусклые огни Мон-Сен-Мартена, на мощные прожекторы, освещающие терриконы шахт. Работа шла в три смены. По городку развесили плакаты о стратегической важности предприятия. Рейху требовались уголь и сталь. Поднимаясь наверх, Элиза вглядывалась в далекие очертания сталелитейного завода, на берегу Мааса. При жизни отца рабочих на завод возили за счет компании, на темно-красных автобусах, с черной полосой и головой вепря. Малышкой Элиза всегда хотела покататься на таком:

– Мы с Виллемом один раз пробрались туда... – она остановилась на гребне холма, – когда я еще в обитель не уехала... – рабочие шутили с ними, угощая шоколадом. Элизе дали посидеть на месте водителя.

Комендант Барбье реквизирует все автобусы компании. Рейх не мог себе позволить тратить бензин впустую. Рабочие ходили пешком, от поселка до завода было больше трех километров. Элиза прищурилась, от яркого света прожекторов концентрационного лагеря.

Она не хотела смотреть на плац, за развалинами стен замка. Женщина перекрестилась, услышав лай собак:

– Господи, пожалуйста, помоги несчастным, дай им вернуться к семьям. Пусть безумие прекратится... – доктор Лануа поделился с ней слухами. Говорили, что с началом русской кампании, евреев из лагеря уберут, и наполнят бараки военнопленными.

Лануа, мрачно, заметил:

– Барбье считает, что они более выносливы. Сейчас в лагере три тысячи человек, из Бельгии, Франции, Голландии, но каждую неделю умирает пять десятков, а, то и больше... – Элиза подняла глаза:

– А что станет с евреями, доктор Лануа?

Ничего не ответив, врач указал на восток. Элиза не хотела думать о бывшем муже, как она, про себя, называла Давида:

– Я с ним разведусь, – твердо сказала себе женщина, – если он выживет, если вернется. Он убил моего отца и мать. Я не могу жить с подобным человеком. И после такого, он меня еще... – Элизу затошнило.

Она, с облегчением, дошла до узкой, порожистой реки Амель. Дул ветерок, пахло свежей водой, Элиза вдохнула аромат влажного мха, росшего на уступах серых камней:

– Мы здесь рыбу ловили, с Виллемом и кузеном Мишелем. Господи, пять лет назад, а, кажется, так давно. Пусть они с Лаурой будут счастливы, пусть доживут до конца войны. И я буду счастлива, – твердо сказала себе Элиза. Она вздрогнула, услышав шаги. Смутно знакомый голос, вежливо, поздоровался: «Добрый вечер, мадам Кардозо».

Элиза ожидала увидеть кого-то из шахтеров, или юношей, ушедших в армию, из поселка. Она смотрела на холщовую куртку, на коротко, почти наголо стриженные, темные волосы. В стеклах пенсне отражались звезды. Элиза не могла поверить своим глазам:

– Месье Эмиль... – она комкала воротник блузки, – месье Эмиль, вы живы. Но как, почему? Мне говорили... – Элиза запнулась, – что здесь есть командир, Монах. Вы от него?

Месье Эмиль сдвинул пенсне на кончик носа. Элиза вспомнила, как он склонялся над Маргаритой, младенцем, в кабинете рудничной больницы:

– Интересно... – она услышала мягкий голос, – маленькой девочке интересно, что здесь блесит... – длинные, ловкие пальцы врача приложили стетоскоп, он застыл, слушая дыхание ребенка, – сейчас я тебе дам погремушку, моя хорошая... – месье Эмиль разогнулся:

– Легкие чистые. Не волнуйтесь, мадам Кардозо, с Маргаритой все в порядке... – озабоченно, поведя носом, Элиза полезла в сумку:

– Надо ее перепеленать... – доктор Гольдберг забрал сверток:

– Вы чаю попейте... – добродушно сказал врач, – мы с Маргаритой справимся, мадам Кардозо.

– Он меня всегда называл мадам Кардозо... – Элиза увидела смех, в темных глазах:

– Я и есть Монах... – подмигнул ей Гольдберг, – я понимаю, в подобное сложно поверить... – кроме паспорта мадам Дельпи, и метрики ее дочери, в кармане куртки Монаха оказался пакет с бутербродами, и фляга с кофе:

– Я на задание иду... – они сидели на камне, у реки, – меня в дорогу снабдили провизией.

Элиза, тогда, отчего-то, решила:

– Девушка снабдила. Ему год остался до тридцати. Почти ровесник Виллема. До войны он, кажется, не встречался ни с кем, но у нас и нет евреев. Только если в Льеже у него подруга была. Почему я вообще о таком думаю? – рассердилась на себя Элиза. Осенью, Эмиль сказал, что в отряде девушек нет:

– Нам прислали радистку, из Лондона, но ее убили, – он вздохнул, – на акции. Хорошо, что мы передатчик в Льеж перевезли. Так надежней... – получив адрес и ключи от безопасной квартиры, Элиза поехала в город. Монах держал ящик, на почтамте:

– Меня предупредили, что вы приедете... – почти хмуро сказал Гольдберг, – Звезда, то есть мадам Горовиц. Мы с ней по рабочим делам связаны... – Элиза сначала подумала:

– Конечно, они оба медики... – женщина усмехнулась: «Словно в довоенное время». Элиза сообщила адрес ящика в Берлин, вернее, в Потсдам. Она отправила открытку, с видом льежского вокзала: «Дорогой друг, я продолжаю знакомиться с красотами Бельгии». Весточка означала, что радист готов к работе. Берлинская группа могла посылать информацию.

– И я ни с кем не встречался... – заметил Гольдберг, осенью, в наполненном медным сиянием лесу, среди тонкого, еле уловимого запаха грибов, и палой травы, – я учился, работал. У меня времени не оставалось... – он целовал распущенные, золотистые волосы. Элиза тяжело дышала:

– Даже странно, что именно сейчас появилось время... – Элиза виделась с Монахом каждую неделю, забирая сведения для передачи в Лондон. Он ждал Элизу под мостом, или выше по течению Амеля, в глухом лесу. Элиза шла по узкой тропинке, с плетеной корзиной, полной осенних листьев и желудей. В приюте берегли краски и цветные карандаши. Они жили на пожертвования, а шахтеры и сами бедствовали. Элиза собирала желуди и шишки:

– Позанимаемся с малышами, они всегда радуются поделкам. Они не рисуют войну, свастики... – Маргарита рисовала замки. Дети раскрашивали радуги, и морское побережье, в Остенде.

Семей на картинках не появлялось. Только девочка, из Брюсселя, нарисовала железнодорожный вагон и забор. За оградой стояло две фигуры, взрослого и ребенка. Еще один человек шел по улице. Девочка подняла темные, серьезные глаза:

– Это моя мама... – тихо сказала она, – она меня привела в сборный пункт... – мать девочки, католичка, до войны развелась с ее отцом, евреем. Когда брюссельское гестапо объявило об очередной депортации, женщина оставила дочь на вокзале. Девочка смотрела на рисунок:

– А это мой папа. Мы с ним в поезде встретились... – от старшего священника Элиза услышала, что отец девочки подкупил железнодорожного служащего. Малышку спрятали в багажном вагоне, и вынесли оттуда в одном из чемоданов. Девочка вздохнула:

– Папу они увезли, мадам Дельпи. Пять сотен человек уехало... – она помолчала:

– Может быть, я когда-нибудь увижу папу... – о матери девочка ничего не говорила.

– Они оправятся... – Элиза сглотнула слезы, – война закончится, вернутся их родители... – треснула сухая ветка под ногой. Монах обернулся:

– Шумите, мадам Кардозо, – весело заметил доктор Гольдберг, – сразу видно, вы по лесу обычно не бродите...

Летом, собравшись с силами, Элиза рассказала ему о предательстве бывшего мужа. Ей было стыдно, за Давида. Гольдберг, тяжело, вздохнул:

– Я думал о подобном, мадам Кардозо. Ваш муж... Профессор Кардозо видел меня, в подвале. Но я не мог поверить, что еврей, коллега, способен... – отвернувшись, Гольдберг чиркнул спичкой:

– Мне очень, очень жаль. Ваши родители... – он курил, глядя в сторону, – спасли меня, мадам Кардозо... – Элиза, легонько, коснулась его руки:

– Простите меня. И не будем больше об этом, пожалуйста.

Элиза натерла остатки сыра, на чугунную сковородку:

– И не говорили. Правильно, что подобное вспоминать, все в прошлом... – сыр плавился. Она зевнула:

– Хорошо, что я тоже поспала. Как тогда, у ручья... – она помнила свой задыхающийся шепот:

– Я не знаю, не знаю, что со мной. Нельзя, я не могу... – корзинка выпала из рук, желуди посыпались на мягкую, покрытую мхом землю:

– Это я не могу... – Эмиль целовал ее, – я с лета о тебе думаю. Каждый день, Элиза, каждый день. Ночью работаю, а днем думаю... – они проспали, обнявшись, под его курткой, несколько часов. Журчал ручей, в кронах деревьев перекликались птицы.

Элиза дремала, ловя его ласковый голос:

– Я всегда буду думать о тебе, всегда. Пока я жив... – она стояла у плиты в одной накинута на плечи блузке. Теплые руки обняли ее, сзади:

– Я проснулся от голода... – он поцеловал маленькое ухо, – я всю неделю жду твоих блинов. Мы с ребятами все за несколько минут съедаем... – Элиза готовила ему пакет, с домашними блинами, или оладьями. Эмиль усмехался:

– Нас в шахте пять десятков человек. Каждый получает, понемногу... – вынув из ее рук лопаточку, он отставил сковородку:

– Все потом... – Элиза закрыла глаза, оказавшись на кухонном столе:

– Я и не знала, что так можно. Тогда, в первый раз, я боялась, что он останется недовольным... – муж всегда выговаривал ей, если, приезжая из путешествия, заставал Элизу, как он выражался, неухоженной:

– Женщина обязана быть привлекательной для мужа, – наставительно говорил профессор Кардозо, – я много раз указывал на то, что мне нравится... – когда Элиза, робко, попыталась что-то сказать, Гольдберг удивился:

– Я тебя люблю... – он обнимал Элизу, – как мне может что-то не нравиться? Я вообще о таком не думаю, а думаю о том, чтобы тебе стало хорошо... – блузка соскользнула с плеч. Элиза закусил губу:

– Иди, иди ко мне, милый... – за окном почти стемнело.

Эмиль подогрел ей тосты, сварил кофе, и взбил молоко, в пышную пену. Он всегда уходил раньше. Оставаться на квартире, во время сеанса связи, было непредусмотрительно. После передачи Элиза убирала рацию под половицы, и уезжала в Мон-Сен-Мартен, последним дизелем.

Эмиль поцеловал ее:

– У тебя молоко на носу. Ешь, пожалуйста, не подсовывай мне гренки. Я хорошо питаюсь... – Элиза, все равно, положила в его портфель пакет с блинами. Женщина улыбнулась:

– Великий пост той неделей начинается. Я детям хворост сделаю, оладьи, с шоколадным соусом... – она кивнула на чашку:

– Я помню такой кофе, с довоенных времен, когда мы в Италию ездили... – удерживая ее на коленях, Гольдберг отпил из чашки:

– Когда Гитлера и Муссолини вздернут на одной виселице, – весело сообщил Эмиль, – мы с тобой навестим Италию. С тобой и детьми. Будешь бегать по церквям, а я собираюсь пить капучино, на солнышке, и кормить детей мороженым, на завтрак, обед и ужин... – они не обсуждали, что случится после войны. Элиза не упоминала на исповеди, что видится с Эмилем. Священник понятия не имел, кто отец ее ребенка. Даже в Мон-Сен-Мартене надо было соблюдать осторожность:

– Потом разберемся, – Гольдберг вдыхал запах лаванды, – сходим в мэрию, поженимся. В первый день после войны, обещаю. Все устроится... – он хмыкнул:

– Великий пост, моя милая, лучшее время для паломничества в базилику святой Терезы, в Лизье. Собирайтесь. Пусть пока кто-нибудь из поселка твое место займет. В следующую субботу отправишь радиogramму в Лондон, они предупредят Маляра... – Элиза вздохнула, но спорить не стала:

– Эстер бы с ним согласилась... – она одевалась, в маленькой ванной, – мальчикам в Лондоне безопаснее. Маргарите тоже, и новому малышу... – Элиза замерла: «Интересно, сын или дочка родится?». Она поймала себя на улыбке:

– Эмиль хочет много детей. После войны останемся в Мон-Сен-Мартене. Виллем обрадуется, что я по любви замуж вышла. Отстроим замок, Виллем будет служить, в церкви, Эмиль к практике вернется... – стоя на площадке, она, как обычно, перекрестила Гольдберга. Элиза делала это украдкой, хотя Эмиль, много раз, говорил ей:

– Ничего страшного, любовь моя. В нашем деле любая помощь пригодится.

Она обошла маленькую квартиру:

– Эмиль всегда посуду моет, не разрешает мне убирать. Он отлично готовит. Даже не ожидаешь, от мужчины... – окно гостиной, с потрепанным диваном, выходило на Маас. Элиза посмотрела на огоньки порта:

– Все будет хорошо. В Лондоне дядя Джованни, миссис Клара, они о нас позаботятся... – встав на колени, Элиза подцепила кухонным ножом половицу. В Блетчли-парке знали, кто работает на передатчике. Выйдя в эфир на радио Монаха, Элиза представилась, объяснив, что амстердамская точка потеряна, и передачам оттуда верить нельзя. Эстер учила ее, что радист обязан, в случае опасности, первым делом избавиться от передатчика:

– Иначе с него погонят дезинформацию... – мрачно объяснила женщина. Элиза сидела на диване, в наушниках, выстукивая ключом свои позывные:

– Монах, Монах, это Монах, сеанс для центра... – она услышала лай собаки, на лестнице, дверь затрещала. Схватив передатчик, Элиза успела швырнуть его в окно. Зазвенело разбитое стекло, до нее донесся плеск воды:

– Хорошо... – облегченно подумала Элиза, сдернув с головы наушники. Тайник в половицах остался открытым. Овчарка рвалась с поводка, облаивая ее, Элиза заставила себя не бледнеть, глядя на серо-зеленую форму гестаповцев. В окно подул холодный ветер, зашелестев страницами блокнота. Холеная рука забрала у нее наушники. Барбье осмотрел ее с ног до головы:

– Рад встрече, мадам Дельпи. Я уверен, у нас найдется, о чем поговорить... – гаупт-штурмфюрер, щелкнул пальцами: «Забирайте ее, и начинайте обыск. Мне нужен Монах, и мы его найдем».

Мон-Сен-Мартен

Frère Jacques, frère Jacques,
Dormez-vous? Dormez-vous?

Вернувшись в приют, после воскресной мессы, девочки расчертили на заднем дворе линии для хинкелена. Маргарите, самой маленькой, разрешали прыгать на двух ногах. День оказался ярким, сверкал снежок на деревянной крыше курятника. Девочки расстегнули пальто, и сбросили шапки:

– После войны я сниму шапку... – успокаивала себя Маргарита, – и больше никогда не стану стричься... – некоторые дети в приюте были темноволосыми, но, ни у кого локоны не вились так, как у Маргариты. Мать, до войны, украшала ее тяжелые кудри игрушечной, блестящей диадемой. Ласковые губы касались щеки девочки:

– Ты моя принцесса... – вчера Маргарита ждала мать. Дядя Виллем, помолившись с девочкой, укрыл ее одеялом:

– Мама задерживается, милая. Хороших тебе снов... – подложив ладошку под щеку, девочка, второй рукой обняла Гамена. Здесь никто не запрещал ей спать с псом в одной кровати. Гамен лизнул ей пальцы, она закрыла глаза:

– Утром увижу мамочку... – Виллем, спустившись вниз, в столовую, хмуро сказал старшему священнику:

– Надо найти Монаха. И надо позвонить в Льеж, епископу... – он сел, бросив большие руки на стол, глядя исподлобья на отца Андре.

Старший священник, сняв очки, протер стекла, рукавом рясы:

– Доктор Лануа знает, где его искать, милый... – отец Андре вздохнул, – после мессы я с ним поговорю. Днем позвоним епископу... – они оба избегали упоминать об аресте, хотя знали, зачем Элиза ездит в Льеж. Виллем понятия не имел, где находится безопасная квартира. Отец Андре, потянувшись, взял его руку:

– Милый, я понимаю, о чем ты думаешь сейчас. О том, чтобы достать оружие, и уйти к Монаху, в лес... – в серых глазах Виллема священник заметил тоску:

– Я инженер, – Виллем свернул папироску, – я... – он помолчал, – я знаю, как стрелять... – Виллем исповедовался отцу Андре, но не говорил о расстреле приюта, в Теруэле. Он не упоминал о Тони, или малыше, которого она держала на руках. Ребенок снился Виллему по ночам, белокурый, сероглазый, похожий на него, в детстве.

Виллем открывал глаза, слыша блаженный, залиvistый смех, шепот:

– Папа... Мой папа... – он сжимал руку в кулак. Смех затихал. Виллем, почти с облегчением, ловил знакомый свист снарядов, низкий, женский крик:

– Убийцы! Будьте вы прокляты, прокляты... – кроме священника в Теруэле и покойного папы римского, никто не знал, что случилось в Испании. Виллем ни на одной исповеди не признался в своем преступлении. О Тони он не думал, только молился, прося Иисуса и Мадонну, даровать ей счастье и покой:

– Я ее люблю, до сих пор, – понимал Виллем, – но теперь я устою, не поддамся соблазну. У меня есть своя стезя, малыши, сироты. Я им нужен, они лишились родителей... – мужчина помотал коротко стриженной, рыжеволосой головой:

– Нет, отец Андре. Я священник, слуга Божий, как и вы. У нас на руках паства, ребятки. Кто о них позаботится?

Они молчали, тикали сосновые часы. Отец Андре замялся:

– Комендант вчера уехал, мне месье Верне сказал. Днем, когда мы в храме были. Он к вечерней мессе пришел. Машина Барбье телегу его на дороге обогнала... – Виллем подумал, что за сестрой могли следить:

– Она в лес ходит. Осенью желуди собирала, листья. Ее тогда долго не было... – Виллем заставил себя не краснеть:

– Она молодая женщина, а все равно, что вдова. Как я могу ее осуждать? – они с отцом Андре решили, что после мессы старший священник сходит домой, к доктору Лануа. По воскресеньям рудничная поликлиника не работала, врач навещал больных в палатах. В случае срочного вызова его можно было найти на квартире:

– Узнаем, как связаться с Монахом, – хмуро сказал отец Андре, – и позвоним в Льеж. Если мадам Элиза в тюрьме... – вспомнив, что мадам Кардозо ждет ребенка, священник осекся:

– Вряд ли она о подобном Виллему говорила... – решил кюре, – хотя он и брат. Тайна исповеди, мне нельзя ничего раскрывать... – он поднялся:

– Пойдем, милый, помолимся. Епископ сможет добиться свидания, если мадам Элиза в тюрьме... – Виллем не хотел думать о подобном. Вечером он обошел спальни детей, тихо открывая дверь, осеняя их крестным знамением:

– Двадцать человек, все евреи... – горько думал Виллем, – документы надежные, но они дети. Шахтеры не проговорятся, никто не проговорится, но если Барбье арестовал Элизу, то он здесь все перевернет... – Виллем прислонился к косяку двери. Мальчишки кухни Эстер, как обычно, спали в одной кровати. Он смотрел на светлые кудри:

– Они всегда признаются, кто из них кто. Иначе их, конечно, не различить... – мальчишки помогали в церкви, причетниками:

– Весь поселок знает, кто они такие. Они здесь жили, до войны... – Виллем зашел к племяннице. Маргарита сопела, уткнувшись носом в черную шерсть Гамена. На ночь девочка снимала шапку. Виллем, осторожно, коснулся большой ладонью наголо стриженной головы, в пятнах от зеленки:

– Я обещаю, у тебя вырастут самые красивые косы в Бельгии, малышка. Принцесса... – Виллем, невольно, улыбнулся:

– Жаль, что наш титул прервется... – он велел себе не вспоминать о серых, больших глазах мальчика. Он покурил, на крыльце, глядя на яркую, зимнюю луну, на отсвет прожекторов, в небе, на черные силуэты терриконов:

– Если бы я сейчас увидел Тони, – понял Виллем, – я бы ей сказал, что я ее люблю, и буду любить. Но у меня другой путь, он никогда не изменится. И я бы попросил рассказать мальчику, что он наследник титула, – он обвел глазами крыши поселка, – он потомок Арденнского Вепря, барон де ла Марк... – Виллем выбросил окурок:

– Может быть, мы зря беспокоимся. Элиза решила переночевать в Льеже. Наверное, с ним, с тем человеком. Он, скорее всего, тоже из Сопrotивления. Завтра Элиза утром появится... – сестра не приехала ни до, ни после мессы.

Отец Андре пошел к врачу, а Виллем повел детей обратно в приют. Он улыбнулся девочкам:

– Вы поиграйте, милые. Мы все приготовим... – Виллем учил мальчишек варить обеды. Он замечал:

– Ничего ззорного в работе на кухне нет. Мужчина должен уметь себя обслуживать. Готовить, стирать, убирать... – они сварили суп, из старых овощей. Виллем выдал близнецам решето:

– Соберите яиц, милые. Сделаем омлет, с гренками... – Иосиф и Шмуэль остановились на заднем крыльце. Сестра прыгала, девочки хлопали в ладоши:

– *Sonnez les matines! Sonnez les matine!*

Ding, daing, dong. Ding, daing, dong...

Гамен, жмурясь на полуденном солнце, свернулся клубком у двери курятника. Шипперке, воспитанная собака, относился к птицам свысока, не гоняя их по двору. Гамен только клацал зубами, когда какая-то курица подходила ближе. Шипперке почесался. Иосиф, углом рта, сказал:

– Etsitantkwamnieterug?

Шмуэль хмыкнул:

– Danmamagroeien... – он махнул в сторону Маргариты:

– Mamankommaprelawar, – они оба ждали мать. Маргарита ловко приземлилась в нужном квадрате, Иосиф крикнул: «Молодец!».

Хинкелен был девчачьей игрой. Летом мальчишки ходили на площадку для петанка. Отец Виллем выточил для них кегли. Он водил ребят в лес, учил их ставить палатки, удить рыбу, различать съедобные и ядовитые растения. Они поднимались на Ботранж, самую высокую гору Бельгии, и ночевали в пещере, на склоне. В округе было много заброшенных шахт:

– Залезть бы в одну из таких... – заметил Иосиф брату, – я слышал, что все плоскогорье можно под землей обойти... – он понизил голос:

– Монах так делает, с ребятами. Внезапно появляется, нападает на немцев, а потом исчезает... – в Мон-Сен-Мартене было не принято болтать языком зря. Монаха почти не упоминали, тем более, при немцах. Иосиф и Шмуэль подозревали, что некоторые старшие мальчишки выполняют его поручения.

Маргарита подбежала к братьям, переминаясь с ноги на ногу:

– Давайте я соберу... – Шмуэль шепнул ей на ухо: «Тебе в умывальную надо». Сестре еще не исполнилось четырех лет. За игрой, Маргарита могла забыть кое о чем. Девочка хихикнула:

– Лень наверх подниматься. Куры все равно... – она прибавила крепкое, валлонское словечко.

– Воскресенье, мадемуазель Дельпи, – строго заметил Шмуэль, – Божий день, а ты себе что позволяешь... – они услышали шорох шин. Гамен повел ушами. Схватив зубами подол пальто Маргариты, шипперке потянул ее в сторону курятника. Хлипкая дверь заскрипела, Маргарита и собака исчезли из виду.

Хлопнула дверь машины, девочки замерли. Шмуэль, невольно, незаметно, сжал руку брата. Высокий, красивый мужчина, в безукоризненной, серо-зеленой шинели, с блестящим на солнце воротником, темного меха, облокотился о забор:

– Комендант Барбье в такой форме ходит... – Иосиф услышал, как брат затаил дыхание, – с мертвой головой, с молниями... – Максимилиан фон Рабе ласково улыбнулся: «Примете меня в игру, милые?».

Распахнув калитку, Макс щелкнул пальцами. Вдоль ограды приюта выстроились автоматчики. Дети молчали, Макс услышал голоса куриц, из сарая.

Он увидел четкие, черные линии, на булыжнике двора:

– В рейхе такая игра называется «Ад и Рай», милые... – тонкие губы улыбались. На крыльце отирались мальчишки лет пяти, близнецы:

– Отлично, Отто останется довольным. У них какая-то программа, с близнецами... – из Брюсселя Макс позвонил в Мон-Сен-Мартен. В комендатуре сказали, что Барбье уехал в Льеж. Макс закатил глаза:

– Не собираюсь я делать крюк... – в Льеже, голос у Клауса был веселый:

– Мы нашли передатчик, за которым давно гонялись, Макс. Кто бы мог подумать, что экономка в католическом приюте, передает сведения в Британию... – Барбье надеялся, что мадам Дельпи, как звали экономку, начнет говорить, и они узнают, кто такой Монах.

– Работай, – успокоил его Макс, – я разберусь с приютом. Мы все перевернем в змеином гнезде. Буде мадам Дельпи упрется, привози ее обратно в Мон-Сен-Мартен. Я ей быстро развяжу язык... – Барбье хотел еще что-то сказать, но Макс прервал его: «Увидимся. Возвращайся к допросу».

– Ад и Рай, – хмыкнул Макс. Взглянув на крыльцо, он увидел соученика, в простой, черной рясе, подпоясанной холщовым полотенцем:

– Он здесь похудел, – подумал Макс, – смиренник, внук святых. Едва меня не убил, два раза... – священник что-то шепнул мальчишкам. Близнецы шмыгнули в дверь, девочки побежали за ними. Виллем даже не думал о фон Рабе:

– Только бы Гамен не залаял, или Маргарита не чихнула. Элиза мне говорила, фон Рабе обедал у них, в Амстердаме. Он сразу поймет, что это Маргарита. А если он видел Элизу, если сказал Барбье, кто она такая... – оберштурмбанфюрер, почти вежливо, кивнул:

– Здравствуй, Виллем. К сожалению, ваша эконожка, мадам Дельпи, арестована. Она подозревается в связях с британскими агентами. Я должен обыскать приют... – соученик даже не опустил глаз к протянутой руке Макса. Виллем отступил от двери: «Прошу». Подождя, пока Макс, в сопровождении солдат, пройдет в дом, склонив голову, Виллем шагнул в курятник.

В сарае пахло пометом и сеном, сквозь щели в стенах сочился яркий свет. Виллем увидел красную, вязаную шапочку племянницы. Пальтишко у Маргариты тоже было темно-красное. Сестра сшила его в начале осени. Жены шахтеров переделывали старую одежду детей, с началом войны все стали экономить, но в приют приносили жертвования, для сирот.

Шапку Элиза связала сама. Мадам Дельпи отдали швейную машинку и спицы. Сестра распускала шерстяные вещи, учила девочек вязать и шить. Виллем вспомнил:

– Мама нам читала, в детстве, сказки братьев Grimm. Красная шапочка. Маргариту издалека видно. Лучше бы Элиза темную пряжу выбрала. Хотя сейчас в горах снег лежит, темные цвета тоже заметны... – сестра хотела порадовать дочь яркими красками.

Маргарита сидела в сене, поставив решето на колени. Девочка, казалось, даже не дышала. Гамен прижался к ее ногам. Виллем наклонился:

– Милая, беги к доктору Лануа. Здесь не появляйся, это опасно... – голубые глаза племянницы распахнулись во все лицо. Маргарита уцепилась за его руку:

– Дядя Виллем, где мамочка? Я хочу к мамочке... – он поцеловал влажную щеку:

– Вы обязательно увидите. Солдатам на глаза не попадайся... – Виллем перекрестил девочку. Доски в сарае были старые. Виллем, легко, вытащил гвозди. Посыпалась деревянная труха, куры забили крыльями. Девочка обняла его за шею:

– Дядя Виллем, мне страшно... – двор приюта выходил на огороды шахтеров.

До первой войны покойный барон перестроил типовые кварталы. Каждая семья получила половину крепкого, каменного дома, с подвалом, чердаком и тремя спальнями. В Мон-Сен-Мартен провели электричество и радио. В больнице, школе и на шахтах поставили телефоны. У шахтеров появились большие огороды. Некоторые работники, на пенсии, даже возводили теплицы, выращивая, зимой, помидоры и салат. Между оградами лежала узкая тропинка. Виллем посадил племянницу:

– Ничего не бойся. Беги, быстрее... – он посмотрел на ошейник Гамена:

– Элиза говорила. Гамен записки Монаху носит. Пусть Маргариту в лес отправят, так безопаснее... – девочка пригнулась, Гамен скакал впереди. Виллем, опять, осенил ее крестным знаменем. Поставив доску на место, он взял решето.

Папка с документами детей хранилась в кабинете, в доме священников. Предполагая, что фон Рабе захочет увидеть бумаги, Виллем решил принести папку, по дороге спустив

в канализацию метрику Маргариты Дельпи. Виллем понял, что Максимилиан не заезжал Льеж, и не видел сестру.

– И очень хорошо... – в скромной умывальной он разорвал метрику на мелкие кусочки. Виллем потянул за цепочку:

– Может быть, он уберется отсюда, и вообще Элизу не встретит. Даже если Барбье привезет ее в Мон-Сен-Мартен, можно не беспокоиться. Ни один человек не скажет, кто такая, на самом деле, мадам Дельпи... – Виллем услышал вкрадчивый, тихий голос фон Рабе: «Наша общая знакомая воспитывает моего ребенка...»

– В Конго мне рассказывали... – Виллем шел через двор, держа решето с яйцами и папку, – змеи, ночью, заползают в ухо спящего человека, и впрыскивают яд... – он даже остановился, и потряс головой, – словно бы со мной так случилось. Он мерзавец, и больше ничего. Он передал Тони координаты. Она не виновата, она не знала... – в приюте, солдаты, обыскивали комнаты детей. Виллем был спокоен, ничего подозрительного они бы не нашли. От документов с настоящими фамилиями воспитанников давно избавились. Все ребята приехали в Мон-Сен-Мартен с поддельными метриками, выучив наизусть новые имена, зная католические молитвы.

Отец Андре вздыхал:

– Есть кюре, считающие, что их крестить надо. Особенно малышей. Все равно родители с востока не вернутся, а дети обретут спасение... – они с отцом Андре решили ничего подобного не делать. Виллем думал:

– Нельзя. Они евреи, и евреями останутся, что бы ни случилось. Если они сами придут к Иисусу, тогда церковь их не оттолкнет... – оставив яйца на кухне, он зашел в столовую.

Максимилиан не снял фуражки, но расстегнул шинель, поигрывая офицерским стеклом. Холодные, голубые глаза оглядывали детей, выстроенных у стены, по росту. Близнецы кухни Эстер, стояли последними. Виллем увидел черные зрачки эсэсовца:

– Он почти не мигает, как змея... – солдаты перевернули столы, сдернув скатерти. Дети молчали, в начищенных, черных сапогах отражалось полуденное солнце:

– Он не католик... – Виллем застыл на пороге, – он вообще неверующий. Они все антихристы, во главе с Гитлером. Он юрист, знает латынь, однако не имеет понятия о молитвах... – над столовой витал пряный запах сандала. Максимилиан, нарочито вежливо, поинтересовался: «Здесь все дети, святой отец?»

– Он не был в Льеже, не видел Барбье... – напомнил себе Виллем, – он не слышал о Маргарите. И ему ничего не сказали в комендатуре... – Виллем протянул фон Рабе папку: «Все». Бросив быстрый взгляд на детей, священник, почти незаметно, улыбнувшись:

– Игра... – пальцы, в дорогих, кожаных перчатках, листали бумаги, – в игре всегда есть злодеи. Но добро победит, обязательно. Мы с отцом Андре всегда так детям говорили... – Максимилиан поинтересовался: «У вас только католики?»

Виллем указал на снимок папы римского:

– Мы в католической стране, в католическом приюте. Где бы нам взять других детей, господин оберштурмбанфюрер... – Макс не нравилось угрюмое упрямство, в глазах святого отца:

– Словно у здешних шахтеров. Кровь Арденнского Вепря. Она ему два раза в голову бросалась, на третий он меня и убить может. Подобные люди расстрела не боятся... – оторвавшись от документов, Максимилиан взглянул на воспитанников

– Сестра святого отца, младшая, вас не навещала? Мадам Кардозо? С дочерью, Маргаритой... – фон Рабе был больше, чем уверен, что среди двух десятков ребятишек, прячется кто-то, с еврейской кровью:

– Прелатам доверять нельзя. Проклятый папа римский, наверняка, издал негласное распоряжение, о том, чтобы священники прятали евреев. Отправим сирот в льежскую тюрьму,

и как следует, все проверим. Здешние мерзавцы будут молчать, весь поселок сговорился... – он услышал тихие голоса:

– Нет, господин офицер. Святой отец говорил, что у него есть младшая сестра, но мы ее не видели... – Максимилиан прошагал к близнецам:

– Кого-то они мне напоминают... – он смотрел на большие, голубые глаза, светлые локоны. Оберштурмбанфюрер схватил одного из мальчишек за подбородок, повертев голову туда-сюда: «Тебя как зовут?»

– Себастьян Мерсье, господин офицер, – отчеканил ребенок. Максимилиан не разбирался в местных акцентах, но парень говорил похоже на соученика. По документам близнецы родились в Вербье, городке рядом с Льежем:

– А кто из вас старший? – поинтересовался Макс, рассматривая второго мальчишку:

– Ты... – он справился в папке, – или Жозеф?

Макс понятия не имел, с кем разговаривает. У него даже закружилась голова, такими одинаковыми были дети:

– Сыновья Кардозо... – нахмурился он, – близнецы. Ерунда, этих ребятишек можно на обложку журнала Гитлерюгенда поместить, не будь они бельгийцами. Младшая дочь Кардозо вылитый отец, жидовка. Хотя доктор Горовиц не напоминает еврейку... – Макс вспомнил так называемого мистера О'Малли, оставившего ему шрам на руке:

– Ее младший брат похож. Если он только появится в рейхе, вместе с Холландом, их ждет гильотина... – Макс заметил откровенный смех в глазах близнецов. Жозеф, если это действительно был он, пожал плечами:

– Мы сироты, господин офицер. Откуда нам знать, кто из нас, когда родился... – Макс поднялся:

– В связи с тем, что вы наняли на работу подозрительное лицо, нам придется закрыть приют, до особого распоряжения... – мягкий, старческий голос вмешался:

– Шахтеры разберут ребятишек по домам... – отец Андре стоял в дверях. Маргарита добралась до квартиры врача, когда кюре прощался, в передней. Жена доктора Лануа быстро отвела девочку в заднюю спальню. Врач уверил священника:

– Гамен знает, куда бежать. Я напишу записку, предупрежу Монаха... – Маргарита только сказала, что в приют приехал немецкий офицер.

Девочка всхлипнула, указав себе на лоб:

– У него череп, здесь... – отец Андре обнял ее:

– Ничего не бойся, милая. Господь с тобой. Молись Иисусу, своей небесной покровительнице, святой Маргарите... – проводив девочку глазами, кюре сказал врачу:

– Надо ее вывести из поселка, ночью. Пусть пока в горах поживет... – отец Андре не закончил, но оба они знали, что мадам Кардозо может не вернуться из Льежа.

Виллем поймал взгляд старшего священника. Отец Андре легонько кивнул:

– Очень хорошо, – облегченно подумал Виллем, – Маргарита в безопасности, о ней позаботятся... – фон Рабе скинул шинель на стол, бросив поверх папку:

– Нет. Дети отправятся в Льеж, где местное гестапо тщательно проверит их документы... – Виллем отозвался:

– Я, разумеется, поеду с ними, господин оберштурмбанфюрер... – почти издевательски добавил он: – Этого вы мне запретить не можете. Священник должен оставаться с паствой... – Максимилиан склонил увенчанную фуражкой, светловолосую голову:

– Пусть посидит в тюрьме, очередной праведник. Если среди детей найдутся евреи, мы их депортируем на восток. Виллем под рукой окажется. Может быть, он признается, где мадемуазель Элиза... – не спрашивая разрешения, Максимилиан щелкнул зажигалкой, пахнув ароматным дымом на Виллема:

– Я не собираюсь вам ничего запрещать, господин кюре... – тонкие губы искривились.

– Вот и славно, – коротко ответил Виллем. Он заставил себя улыбнуться:

– Будем собираться, мои милые. Навестим Льеж. Это формальность, бояться нечего... – Макс посмотрел на часы. Он хотел отправить детей и соученика, под охраной, в город, как следует, обыскать приют, и заняться окрестными лесами. Фон Рабе намеревался найти Монаха, чего бы это ни стоило.

К поперечной балке подвесили фонарь, с тускло горящими свечами. Нары уходили вверх, тремя ярусами, упираясь в перекрытие, с прорезанным откидным люком. На дно шахты вела приставная лестница. Сейчас люк закрыли, стремянку сложили, унеся в угол. Пыхтела старомодная, чугунная печурка.

Обживая шахту, они пробили вентиляционную штольню, иначе на глубине в два десятка метров, можно было бы задохнуться. В начале прошлого века шахтерам не требовались теплые рабочие места. Днем, даже зимой, они разогревались, рубя уголь, а на ночь здесь никто не оставался. Монах строго запретил пользоваться печурками днем. Немецкие патрули могли заметить дым, над верхушками деревьев. Дежурные разжигали огонь по ночам, когда отряды уходили на акции:

– Нас здесь полсотни... – Гольдберг сидел за крепким, на совесть сколоченным столом, – за день, пока мы спим, воздух не остывает. Маленькая не замерзнет... – угля в узких, боковых ходах хватало для печурки и кухни. Они готовили еду в каменном очаге, растапливая снег в старых, прошлого века котелках. Летом и осенью с водой было хуже. Неподалеку от шахты бил родник, приходилось использовать фляги. Душа здесь, конечно, было никак не завести. Бойцы мылись, и стирали одежду, навещая родных, в округе.

– Я в Льеже последний раз мылся... – Гольдберг велел себе не вспоминать ласковые, маленькие руки, тихий смех:

– У тебя и волос почти нет, мыть нечего... – она поцеловала его в лоб:

– Я тебя вытру, и ложись. Я пока все постираю, к вечеру высохнет... – он покосился на нары. Маргарита спала, обнимая Гамена, под немецкой шинелью, со споротыми нашивками. Гольдберг не мог видеть свастику, и всегда сдирал знаки различия, с трофейного обмундирования. Табачный дым реял над столом, Монах потушил самокрутку в пепельнице, сделанной из стреляной гильзы:

– Сокращаем курение, здесь ребенок... – он тяжело вздохнул: «Детям табачный дым вреден». Гамен примчался к шахте после обеда. Днем они выставляли дозорных, на искусно сделанной платформе, в ветвях большой сосны, неподалеку. Собака заплясала на снегу, один из юношей спустился вниз. Гольдберга разбудили, подав записку, от доктора Лануа.

Монах обычно не ругался. Эмиль вырос в Брюсселе, и валлонского диалекта не знал, но живя рядом с шахтерами, нахватался местных словечек. Ребята еще дремали. Буркнув что-то себе под нос, протерев очки, он перечитал знакомый, разборчивый почерк коллеги. Эмиль не хотел думать, о том, что могло случиться в Льеже. Он был уверен, что Элиза избежала от передатчика, при аресте, что она ничего не скажет:

– Надо послать человека в Льеж. Пусть тамошние ребята найдут ходы в тюрьму. Хотя после нашего взрыва охрану сменили, усилили... – доктор Лануа, торопясь, дописал, что детей из приюта тоже увезли в Льеж, в сопровождении отца Виллема.

– Пусть они проверяют документы, – мрачно сказал Гольдберг ребятам, – ничего они не найдут. И отец Виллем никогда детей не оставит... – коллега добавил, что в поселок приехал оберштурмбанфюрер фон Рабе, а комендант Барбье пока не появлялся.

Кроме кодов, для работы с Лондоном, Элиза знала шифры, которыми пользовались люди, отправляющие письма из Берлина. Эмиль напомнил себе:

– Она ничего не скажет. Но, даже если скажет, то, ни она, ни я, понятия не имеем, от кого приходят письма... – мысль о ребенке он загнал куда-то совсем далеко, и велел ей

пока не появляться. Иначе Эмиль, взяв оружие, отправился бы в Льеж, что было равно самоубийству.

Он, все равно, ненавидел себя за то, что сидит в теплой штольне, пьет слабый кофе, и курит домашний табак, с делянок месье Верне. Длинные, сильные пальцы хирурга размеренно постукивали по столу. Гольдберг сам пошел навстречу доктору Лануа, предполагая, что с приездом бонзы, из СС, в лесу появится еще больше патрулей. Монах был особо осторожен:

– Эстер рассказывала о фон Рабе... – он ступал по легкому снегу, – описывала его... – к подошвам сапог прибили куски выделанных, коровьих шкур. Месье Верне хохотнул:

– Трюк старый. Мой папаша так делал, когда в лесах деда месье барона охотился, упокой душу праведника Иисус и все святые... – старик перекрестился:

– Дед месье барона велел егерям на поражение стрелять, если в лесу браконьеров находили... – лес, вокруг Мон-Сен-Мартена до сих пор, принадлежал де ла Маркам, на полсотни километров, вокруг:

– То есть теперь рейху... – Гольдберг отвел рукой заснеженную ветку, вспорхнула птица, он замер, – Барбье устроил лесопилку, для нужд шахт. Но заключенных он сюда не пускает, и далеко углубляться не решается. Правильно делает... – ребята Монаха отлично стреляли. По лесу были разбросаны платформы для снайперов. Дорога здесь проложили одну, ведущую к Ботранжу. На склоне горы до войны стояла гостиница, для туристов:

– Я и сам в отеле ночевал... – Эмиль пошел дальше, – там лыжи напрокат выдавали. И о чем я только думаю... – прошлого коменданта Гольдберг подстрелил на северном, льежском шоссе. Майор ехал домой, в заслуженный отпуск. Теперь туда соваться было опасно. Барбье поставил на дороге посты эсэсовцев. Охранники прочесывали лес, по обеим сторонам дороги. Новый комендант ездил с машиной сопровождения. Гольдбергу, отчаянно хотелось курить, но в сумерках огонек был бы слишком заметен. Об Элизе и ребенке он себе думать запретил. Вместо этого Эмиль хмыкнул:

– Судя по всему, прадед Элизы и Виллема, был отъявленным мерзавцем. Эксплуатировал шахтеров, как мог. Даже непонятно, в кого его сын таким вырос, внук... – Гольдберг читал старые истории болезни, в архиве. В рудничном госпитале ничего не выбрасывали. Доктор Лануа, наставительно, говорил:

– С десяток диссертаций по этим историям защитили, и еще защитят... – Эмиль, рассеянно, вспомнил, что и сам хотел заняться диссертацией, по оперативной травматологии:

– У шахтеров часто переломы случаются. Сын того Виллема в шахте покалечился, а его отец погиб. Перелом позвоночника, и сейчас подобное человека инвалидом делает... – сына старого барона лечил профессор Кардозо, в то время, лучший хирург Европы:

– Он сюда каждый год приезжал, они семьями дружили... – Эмиль остановился, – а отец Кардозо был первым кандидатом на получение Нобелевской премии. Только он умер, не успел... – о нынешнем профессоре Кардозо тоже думать не хотелось:

– Предатель, он и есть предатель... – Монах засунул руки в карманы потрепанной, толстой шерсти куртки, – будь он хоть трижды еврей... – он издали увидел взрослого и ребенка, под опорами моста. Амель не замерзал зимой. Гамен, сидя на камне, внимательно следил за темной водой. Доктор Лануа и Маргарита, ожидая Гольдберга, слепили маленького снеговика. Эмиль пообещал себе:

– Все, что угодно сделаешь, а малышку защитишь. И Элизу... – он успокаивал себя:

– Даже если Элиза заговорит, ничего страшного. Она не знает, где базы моих отрядов. И руководство Сопротивления она не знает. Да и я сам не всех знаю. Так безопаснее... – Эмиль был уверен, что передатчика больше не существует:

– Надо поставить в известность Брюссель, что точка потеряна. Пусть сообщают в Лондон. Надо отправить открытку в Берлин, предупредить, чтобы больше не слали в Льеж

письма, пока мы не восстановим связь. Нужен новый радист... – Эмиль не собирался позволять Элизе, с детьми, оставаться в Бельгии:

– Если удастся ее из тюрьмы выручить, – угрюмо понял он, – мальчишек Звезды тоже в Льеж увезли. Но с ними Виллем, и документы у них надежные... – Маргарита, сначала, испуганно, спряталась за доктора Лануа. Девочка, робко, улыбнулась:

– Я вас помню, немножко. Вы доктор Эмиль... – теплая ладошка легла в его руку. Гольдберг, тоскливо, подумал:

– Элиза может потерять дитя. Бедная моя девочка, надо самому отправляться в Льеж, устроить нападение на тюрьму... – льежское гестапо сидело в бывшем здании монастыря францисканцев, на окраине города. После взрыва стены круглосуточно патрулировали. Гольдберг был готов сесть за руль грузовика и протаранить ворота, но ничего, кроме его собственной гибели и смерти его ребят, это бы не принесло.

– Никто мне не разрешит нападение... – в лесу Маргарита, зачарованно, сказала:

– Я слышала. Вы меня к Монаху ведете, он под землей живет... – Гольдберг, ласково, улыбнулся:

– Именно так. Погостишь у нас, а потом вернется мамочка... – он отчаянно хотел в это верить:

– Если Барбье привезет Элизу в Мон-Сен-Мартен, будет легче... – сказал себе Эмиль:

– Здесь все шахтеры нас поддержат... – он отправил рассыльных на три остальные шахты. Монах велел сегодняшней ночью никому и носа не высовывать в лес. Доктор Лануа сказал, что оберштурмбанфюрер фон Рабе забрал охрану из концлагеря. Эсэсовец намеревался обыскать горы, со сворой овчарок.

– Пусть обыскивает... – Гольдберг изучал план шахт компании. Ребята в инженерном управлении работали исправно. Партизанам передавали свежие чертежи, с новыми штольнями, и вентиляционными ходами, проложенными с начала войны. Вернувшись на шахту, Гольдберг послал паренька на ферму месье Верне. Утром старик вез курьера на телеге, до следующей станции, по льежской ветке. Эмиль подозревал, что вокзал в Мон-Сен-Мартене запечатают.

Маргарита поела вареной картошки, с квашеной капустой, Гамен получил кабанью косточку. Девочка с собакой дремали, устроившись на нарах.

– В общем, так... – Эмиль бросил барабанить по столу:

– На «Луизу» каждый день пять сотен человек пригоняют. Если мы вооружим, хотя бы каждого десятого, они перебьют охранников, обещаю. Их пять сотен, нас двести... – он помолчал, – людей у нас, конечно, меньше, чем эсэсовцев, но не настолько меньше. Шахтеры помогут. Главное, чтобы мадам Дельпи привезли обратно в Мон-Сен-Мартен... – ребята знали кто, на самом деле, работает на передатчике.

– Привезут, Монах... – поле долгого молчания заметил кто-то из бойцов, – они захотят поискать ее здешние связи. Будут копать, интересоваться, не управляла ли мадам Дельпи диверсиями, на шахтах. Привезут, не сегодня-завтра... – над столом повисло молчание. Боец откашлялся:

– Мадам Дельпи ничего не скажет, можно не бояться... – Гольдберг, невольно, поинтересовался: «Почему?»

Он смотрел в темные и светлые, одинаково упорные глаза. Наконец, кто-то, ответил:

– Арденнский Вепрь тоже бы не сказал, а мадам Дельпи его потомок. Надо подумать, как на «Луизу» попасть, через новые штольни... – в шахтах Гольдберг не разбирался. Он всегда говорил:

– Технику я оставляю специалистам. Я врач, зачем мне лезть в инженерные дела... – Маргарита спала без шапки.

Присев рядом, Гольдберг плотнее укрыл ее шинелью. Длинные, черные ресницы девочки слегка дрожали. Она спокойно, едва слышно дышала. Гамен свернулся в клубок. Эмиль видел только кончики ушей собаки:

– Звезда мне пела... – вспомнил Гольдберг, – колыбельную на ладино. О девочке, маленькой девочке. Чтобы она не знала ни горя, ни несчастий... – наклонившись, Эмиль коснулся губами наголо стриженной, в пятнах от зеленки, головы:

– Durme, durme, mi alma donzella

Durme, durme, sin ansia y dolor...

– Все будет хорошо, моя милая... – он взглянул на схему, что ребята успели начертить, на обороте инженерного плана.

– Рассказывайте, – Гольдберг налил в остатки кофе, на дне оловянной чашки, едва теплой воды. Отпив, он поморщился:

– Заодно пополним запасы провизии, после налета на комендатуру... – коротко усмехнулся Монах. Он стал внимательно слушать шахтеров.

Элиза помнила кабинет директора поселковой школы. Она училась во Флерюсе, в общине, но каникулы всегда проводила дома. Элиза навещала подруг, участвовала в школьных постановках и ходила в библиотеку.

Она сидела на обитом старой кожей диване, положив руки на колени. Тонкие запястья охватывали стальные наручники. У двери кабинета дежурили двое вооруженных эсэсовцев. Третий стоял у большого, выходящего на площадь окна. Звенели церковные колокола:

– Барбье распорядился, – устало подумала Элиза, – сейчас не время мессы... – утро оказалось ярким, морозным. На сером мраморе крыши храма блеснул снежок. Она видела очертания колокольни, за спиной немецкого солдата:

– Бояться, что я из окна выброшусь. Мы на втором этаже... – она не хотела смотреть на мертвую голову, на фуражке эсэсовца. Элиза перевела глаза на большой, дубовый стол бывшего директора. На плохо написанной маслом картине, фюрер, с надменным лицом, в партийном, коричневом френче, стоял у большого глобуса. Раньше на стене висели портреты короля Альберта и королевы Елизаветы. Королева стала крестной матерью Элизы. Монархи дружили с де ла Марками:

– Папа воевал с его величеством... – Элиза слегка пошевелила руками, запястья болели, – а я родилась двенадцатого ноября, на следующий день после перемирия... – Элизу крестил его высокопреосвященство кардинал Мерсье, примас Бельгии, в Брюсселе, в соборе святого Михаила и Гудулы:

– Мама говорила... – вспомнила женщина, – кардинал, в проповеди, обещал, что наступит мир, родятся дети... – в льежской тюрьме Элизу поместили в одиночную камеру. Она молилась Богородице и своей небесной покровительнице, праведной Елизавете. Распятие и четки, освященные покойным папой римским, у нее не забрали, но во встрече со священником отказали. Барбье, издевательски, заметил:

– Мы не можем позволить вам свидания, мадам Дельпи... – он пристально оглядел Элизу, – тем более, с прелатом. Кто знает, что вы ему наговорите, на так называемой исповеди. У вас и прелаты, наверняка, свои... – он наклонился к уху женщины, Элизу затошнило от запаха крепкого табака, – например, отец Виллем. Вы встречались, на квартире? Признавайтесь... – Элиза не хотела слышать вкрадчивый голос, но уши было никак не закрыть. На допросах руки ей приковывали к стулу. Наручники не снимали и в камере. В умывальную ее водила крепкая женщина, в полувоенной форме. Элиза поняла, что она тоже работает в СС. Стоя на коленях, Элиза перебирала четки, тонкими пальцами:

– На прошлой войне немцы священников расстреливали. Кардинала держали под домашним арестом... – нынешний король, Леопольд, вступивший на престол после смерти

отца, не последовал за правительством страны в изгнание, а остался в Брюсселе. Его открыто называли коллаборационистом. Эмиль показывал Элизе газету Соппротивления. В статье говорились, что Леопольд, после войны, должен отказаться от престола:

– В Голландии королевская семья покинула страну, с началом оккупации, – вздохнула Элиза, – они поддерживают Соппротивление. Наша вдовствующая королева, хоть и немка, но, по слухам, помогает детей прятать... – Элиза перекрестилась: «Это сейчас долг каждого христианина». Камеры устроили в бывших монастырских кельях, гестапо забрало окна толстыми решетками. Элиза заметила след от распятия, на беленой стене. Она жила в такой келье, девочкой, во Флерюсе. Ей показалось, что воздух, до сих пор, пахнет ладаном и воском:

– От Виллема похоже пахнет... – она сидела на узкой койке, зажав четки, – Иисус, сохрани моего брата, пожалуйста... – каждый раз, на допросах, Элиза боялась увидеть в бывшем кабинете настоятеля монастыря брата, или дочь:

– Или Эмиля. Я не смогу, не смогу молчать, если он... Барбье, начнет их пытаться, на моих глазах... – Элизу пока не трогали, не били. Барбье был с ней почти вежлив. Мадам Дельпи настаивала, что передатчик принадлежит ее любовнику, человеку, с которым она встречалась на квартире:

– Это не преступление... – женщина, надменно, подняла изящную голову, – я вдова, он холост... – по словам мадам Дельпи мужчину звали месье Жан. Познакомились они случайно, на вокзале. Барбье смотрел на холодный огонек, в глазах цвета лаванды, на четкий очерк подбородка:

– Она совсем не простушка. Отлично притворялась, ее бы никто не заподозрил... – гауптштурмфюрер не поверил истории о месье Жане. Мадам Дельпи утверждала, что любовник показывал ей рацию. Она решила посмотреть, как работает устройство, из чистого любопытства:

– Я испугалась, когда вы сломали дверь... – пожала плечами женщина, – и выбросила приемник в окно... – Барбье приказал обыскать Маас, протекавший под окнами квартиры. Они не нашли никаких следов передатчика, в мощной, глубокой реке.

Мадам Дельпи любезно описала месье Жана, но по словесному портрету высокого, темноволосого мужчины, можно было арестовать половину Бельгии. Барбье хмыкнул:

– Надо ее привезти обратно в Мон-Сен-Мартен. Там ее дочка осталась. Приведем Маргариту, приставим ей пистолет к виску. Она мать, не волчица, она прекратит врать... – Барбье подумал, что ребенок мог не иметь никакого отношения к так называемой мадам Дельпи:

– Ее снабдили девочкой, для пущей убедительности. Как Макс говорил? Вдова с детьми, что может быть прекрасней. Если отец Виллем тоже связан с Соппротивлением, он спрячет Маргариту в лесах, и мы ее больше никогда не найдем. И сам сбежит, вместе с приютом... – оберштурмбанфюрер фон Рабе, позвонив из Мон-Сен-Мартена, сообщил, что отправляет отца Виллема и ребятишек в Льеж:

– В приюте ничего подозрительного не нашли, но проверьте их документы, как следует... – распорядился Макс, – мне кажется, они скрывают евреев. Со мной связи не будет. Я собираюсь обыскивать горы, с охраной и собаками... – Барбье хотел спросить, едет ли в Льеж дочка мадам Дельпи, но Макс повесил трубку.

– Ладно, – решил комендант, – наверняка девочку кто-то из шахтеров подобрал. Они люди сердобольные... – Барбье не виделся с детьми и священником, перепоручив их заботам коллег из отдела переселения, как называли ответственных за депортацию:

– Пусть посидит в камере, поварится... – Барбье вспомнил упрямые, серые глаза отца Виллема, – может быть, он испугается, начнет говорить... – на допросах мадам Дельпи настаивала, что случилось досадное недоразумение. Никакого отношения к Соппротивлению

она не имела. Фамилии месье Жана женщина не знала. Барбье, удивленно, понял, что тихая экономка умеет кокетливо улыбаться, подрагивая ресницами:

– Случилась страсть... – томно сказала мадам Дельпи, – будто солнечный удар, месье комендант. Я не спрашивала его документов, я не для такого приходила на квартиру... – гауптштурмфюрер отправил приметы предполагаемого месье Жана в Брюссель, но особых надежд на его поимку не питал. Барбье не хотел устраивать очную ставку мадам Дельпи и отца Виллема:

– Незачем. Я не говорил ей, что кюре арестовали. Пусть не паникует, пусть думает, что я ей поверил. Хорошо, что Макс сюда детей отправил. Наверняка, у мадам Дельпи есть связи с бандитами. Привезу ее в Мон-Сен-Мартен. Партизаны либо захотят ее освободить, либо попытаются пристрелить, из опасений, что она всех выдаст... – в Мон-Сен-Мартен они поехали на гестаповском лимузине, с охраной. Несмотря на три дня, проведенных женщиной в камере, от мадам Дельпи пахло лавандой. Она сидела, в невидном, сером пальто, при шляпке, смотря вперед, на затылки шофера и вооруженных охранников.

Барбье подумал:

– Экономка, вдова. Откуда у нее такая статья, осанка? Видно, что она в жизни ни перед кем спины не сгибала... – он дал женщине подписать показания. Мадам Дельпи усмехнулась:

– У вас неграмотная машинистка, месье комендант. Она плохо знает французский язык... – Барбье заставил себя не краснеть. Показания экономки он печатал сам.

Машина вышла из Льежа рано утром. У мадам Дельпи были нежные, немного припухшие глаза. Из-под серой шляпки, на маленькое ухо, спускалась золотистая прядь. Элиза не обращала внимания на Барбье:

– Меня никто не выдаст... – она даже не поворачивала головы, к эсэсовцу, – никогда. Виллем позаботится о Маргарите, о малышах Эстер. О чем я? – Элиза, быстро, незаметно, улыбнулась:

– Эмилю сообщили о моем аресте. Он меня освободит, обязательно... – Элиза вспомнила свою довоенную книгу:

– Когда все закончится, я напишу еще одну... – решила женщина, – о войне, о Сопротивлении. О том, что герои могут стать предателями, а обыкновенные люди, героями... – Элиза долго не могла поверить, что мягкий, тихий доктор Гольдберг, пеленавший Маргариту, и неуловимый Монах, один и тот же человек. Эмиль, однажды, сказал:

– Я мог бы перебраться в Швейцарию, жить спокойно... – они лежали в полутьме зимнего вечера, обнявшись... – но я не хотел... – Эмиль приподнялся на локте:

– Католики спасали меня, еврея. Чужие люди, то есть свои... – поправил себя Гольдберг, – мои друзья, товарищи по оружию. Я не обвиняю тех, кто решил покинуть страну, но я отсюда никуда не уеду, пока мы не добьемся победы... – у него были горячие, сухие, нежные губы:

– И потом никуда не уеду, Элиза. Потому, что у меня есть ты, Маргарита, и маленький... – Элиза пошевелила застывшими пальцами:

– Мне не стыдно за книгу, о Давиде. Я не знала, что он может оказаться предателем. Подобного тоже нельзя скрывать. Это часть того, что с нами случилось... – они приехали в Мон-Сен-Мартен ранним утром. Поселок был еще пустынным, оставался час до конца ночной смены. Барбье поместил мадам Дельпи под охрану, в кабинете. Он справился, не возвращался ли оберштурмбанфюрер фон Рабе. После отправки приютских детей в Льеж, Максимилиан забрал собак, и уехал в горы. С тех пор он в поселке не появлялся.

Барбье велел дожидаться конца ночной смены и собрать всех жителей Мон-Сен-Мартена на площади, под предлогом проверки документов. Он посадил на крыше церкви двух

пулеметчиков. Комендант смотрел на мраморный, покрытый изморозью фонтан, на здании мэрии, с нацистскими флагами:

– Даже мэра нет. Прошлый ушел в отставку, в тот день, когда в поселке танки вермахта появились. За полтора года никто не согласился стать мэром... – он усмехнулся:

– Ладно, сегодня мы проверим, кто здесь связан с Сопротивлением... – он приказал солдатам взять ключи от церкви и отвести отца Андре на колокольню:

– Пусть звонит. Пусть все знают, что им надо собираться... – Барбье слушал звук своих шагов, отражающийся эхом от булыжников площади. Табличка: «Евреям вход воспрещен», на ограде маленького сада, висела криво. Комендант ее поправил:

– Гольдберга не нашли, а шахтеры до сих пор в сад не заходят. Даже дети не забегают... – кабачки были еще закрыты. Барбье расставил по периметру площади автоматчиков. Комендант велел солдатам стрелять, в случае, если кто-то, попытается освободить мадам Дельпи, и вообще, будет себя подозрительно вести. Рабочие, вернее, заключенные, оставались только на «Луизе». Барбье прикинул:

– Три тысячи человек, весь поселок. Женщины, дети... – он отдал приказ отложить, на час, начало утренней смены. Гауптштурмфюрер, немного, волновался за фон Рабе, но успокоил себя:

– С ним полсотни вооруженных солдат. Макс воевал, в Греции, на Восточном фронте. Он опытный человек. Может быть, и наткнется на кого-то, в горах. На проклятого Монаха, например... – Элиза слушала звон колоколов, снизу доносился шум:

– Эмиль здесь, – твердо сказала себе женщина, – он меня спасет. Господи, дай мне его увидеть, дай увидеть Маргариту, пусть мы всегда останемся вместе... – она, отчего-то, улыбнулась:

– Папу и маму сюда директор вызывал, когда Виллема с папиросой поймали. Ему тогда двенадцать лет исполнилось... – компания запрещала труд под землей для юношей младше восемнадцати. Элиза знала, что старые шахтеры, втайне от родителей, брали Виллема в штольни, когда брату было пятнадцать:

– Он высокий... – Элиза опустила веки, чтобы не видеть Гитлера, на портрете, – ему все давали двадцать лет. Он на танцы ходил, с друзьями в Льеж ездил... – брат, до университета, славился в округе горячим нравом. Виллем, даже, несколько раз, ночевал в полицейском участке, в Льеже:

– Папа вздыхал, – вспомнила Элиза, – говорил, мол, в кого он такой растет? Пьет с матросами, с барж, дерется. Он и в Гейдельберге дрался. Кто знал, что все так обернется, что Виллем станет слугой Божьим? Он, не говорит, что случилось, но я в его глазах тоску видела. Господи, пусть мой брат будет счастлив... – Элиза вздрогнула. Ребенок еще не мог двигаться, но ей почудилось что-то неуловимое, нежное в животе:

– Взыграл младенец в чреве её, и Елизавета исполнилась Святого Духа. Благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! Блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа... – комендант Барбье стоял в дверях.

– Прошу вас, мадам Дельпи... – на серо-зеленой шинели, на черных нашивках, с молниями, таяли снежинки. Щеки эсэсовца разругались, от мороза:

– Все пришли, ждут только вас... – гауптштурмфюрер улыбался, – сейчас мы узнаем, кто вы такая, на, самом деле... – удары колокола стихли.

– Блаженна та, что уверила... – напонила себе Элиза. Сжав четки в руке, высоко вскинув голову, женщина вышла из кабинета.

Снег на склоне горы Ботранж напомнил Максу зиму в Бертехсгадене, в альпийском шале. Вокруг поднимались метровые, пышные сугробы, по веткам сосен перепархивали птицы. В бывшей гостинице для туристов комендант Барбье посадил сторожевой

пост. Рядом стояла лесопилка, где работали солдаты. Местным жителям гауптштурмфюрер не доверял.

Макс понял, что подобное поведение было разумным. Эсэсовцы, на Ботранже, не выходили в лес безоружными. Невидимые снайперы, прятаясь в деревьях, каждый месяц убивали, прямо во дворе лесопилки, несколько солдат. Сосны валили под охраной автоматчиков, эсэсовцы не решались углубляться в холмы.

Молодой лейтенант, командующий постом, довольно хмуро заметил:

– Есть большой шанс не вернуться с прогулки, господин оберштурмбанфюрер. Горы, словно кусок сыра. Все изрыто заброшенными шахтами и пещерами... – Макс показал одну из таких пещер, в полукилометре от гостиницы. Темный, порожистый ручеек, убежал вглубь, теряясь в непроницаемой черноте. Пахло сыростью и плесенью.

Взяв у солдата фонарик, Макс осветил остроконечные сталактиты и сталагмиты. Они, казалось, смыкались. Пещера напомнила Макс пасть динозавра. Скелеты стояли в берлинском музее естественной истории, куда они ходили с отцом, в детстве. Оберштурмбанфюрер крикнул: «Ау!»

Эхо заметалось, отражаясь от стен. Макс присмотрелся:

– Здесь тропинка, она ведет дальше... – лейтенант, мрачно, согласился:

– Ведет. Только дальше обрыв, в пять метров высотой, господин оберштурмбанфюрер. Если вы альпинист, шахтер, вы сможете по нему спуститься, с крючьями и веревкой... – по слухам, пещера была длиной в несколько километров. Глубину залов никто не измерял. Вспомнив, что «Луиза» уходит под землю почти на километр, фон Рабе, незаметно, поехал. За день, в лесу, они видели кабанов, оленей, лис и рябчиков, но, ни одного следа человека не нашли.

Вернувшись из пещеры, лейтенант приказал закрыть ворота гостиницы. Здание обнесли забором. Сидя у камина, Макс видел прожектор, освещавший узкую дорогу, автоматчиков, расхаживающих вдоль стен. К вечеру подморозило, на небе высыпали колючие, большие, горные звезды. У лейтенанта имелась глиняная бутылка местной можжевелевой водки, женевера. Макс повертел стаканчик:

– Развели бандитов. Мы на территории рейха, а стоит спуститься ночи, как никто не смеет и носа за ограду высунуть. Днем надо ездить с охраной, словно здесь Смоленск какой-нибудь, а не цивилизованная местность... – брат лейтенанта служил на Восточном фронте, вернее, в давно оккупированной Белоруссии:

– У них похожая ситуация, герр оберштурмбанфюрер, – невесело заметил юноша, – тоже не могут... – Макс прервал его:

– Хватит церемониться. Подобные мерзавцы представляют угрозу безопасности рейха. Расстрел на месте любого подозрительного лица, казни заложников, разрушение домов бандитов... – Макс рассказал лейтенанту, как они обходились с партизанами, на Крите:

– И здесь надо бросить жалость, – подытожил фон Рабе, – мы думаем, что бельгийцы, французы, норвежцы, это европейцы. Стремимся обращаться с ними, как с цивилизованными людьми... – Макс махнул в сторону лежащей у двери овчарки:

– Я знаю, как натаскивать собак, юноша... – он выпил женевера:

– Собака должна подчиняться хозяину. Если она хотя бы попытается напасть на владельца, ее бьют, безжалостно, до крови... – Макс помолчал:

– И убивают, буде подобное понадобится. Так же я собираюсь поступить и здесь... – он лежал на жесткой кровати одного из бывших номеров, глядя на звезды. Фон Рабе вспоминал большую спальню, с камином, в альпийском шале, вид из окна, выходящего на заснеженные горы.

Поднявшись, Максимилиан закурил, стоя у окна. Прожектор у ворот освещал только начало дороги. Он вгляделся в бесконечный, темный, хмурый лес:

– Рано или поздно, но мы их всех уничтожим. Здесь, во Франции, и везде. Монахов, Маляров и так далее. Отнимем у них имена, они станут ночью и туманом, как указал фюрер. Никто, никогда о них больше не вспомнит... – над лесом парила какая-то птица. Задержав гардины, Макс почувствовал, что никакая сила не заставит его покинуть гостиницу, с полусотней автоматчиков, и каменными стенами:

– Пройдет... – он вернулся в постель, – здесь просто местность угрюмая. Как и люди, ее населяющие... – Макс подумал о мрачных глазах соучника:

– Если гестапо в Льеже, отыщет евреев, среди детей, он захочет поехать с ними на восток, праведник. Пусть едет, – усмехнулся Макс, – пусть отец де ла Марк сгниет в концлагере. Только сначала он скажет мне, где Элиза... – фон Рабе думал о ее золотистых волосах, о нежной, белой коже, слышал ее шепот: «Я люблю тебя, милый, люблю...»

– Мне никто, никогда подобного не говорил, – Макс открыл глаза, – ни Далила... – он даже поморщился, – ни 1103... – он понял, что хотел услышать это, от заключенной:

Макс ощупал щеку, куда три года назад вонзилось перо от ручки:

– Если бы она мне покорилась, если бы не была такой жестокой. Еврейская кровь... – он вспомнил тонкие пальцы 1103, рвущие свидетельство об арийском происхождении, увидел ее кривые, острые зубы. В ушах забился ненавидящий шепот: «Ублюдок, проклятый мерзавец, убирайся отсюда...»

– Она могла бы стать моей женой, графиней фон Рабе. Клянусь, я бы ее баловал, холил, я бы всю жизнь ей посвятил. Я просто хочу, чтобы меня любили... – Макс подумал:

– Мама любила Отто, папа, Генриха и Эмму, а я? Я всегда был старшим, ответственным. Отто два года едва исполнилось, а мне четыре. Мама мне выговаривала, за его проступки... – он вспомнил наставительный голос матери:

– Ты старший брат, Максимилиан, ты наследник титула, ты обязан... – оберштурмбан-фюрер стиснул зубы:

– Я еще короткие штанишки носил, а уже был обязан. Хватит. Элиза меня полюбит, я знаю. Моя косуля, моя нежная. Она не такая, как 1103, в ней нет еврейского упорства, хитрости. Из католичек получаются лучшие жены. Взять хотя бы Марту. Хлопочет над Генрихом, смотрит ему в рот, ходит вокруг него на цыпочках... – для невестки, понял Макс, других мужчин просто не существовало:

– Ей никто больше не нужен. Мюллер может хоть наизнанку вывернуться, – усмехнулся фон Рабе, – она всю жизнь посвятит мужу. Но это и есть женская стезя... – он тоже хотел, как младший брат, возвращаться в теплый дом, к хорошенькой, ухоженной жене, к вкусному обеду, и детскому смеху:

– Но у меня ребенок быстрее появится... – довольно понял Макс, – осенью, до Рождества. Хотя, может быть, Марта беременна. Но вряд ли, она молода еще. Она не хочет возиться с пеленками... – в Пенемюнде, по требованиям безопасности, посторонние не допускались. Слуг на полигоне было не завести:

– Хотя она католичка, – Макс зевнул, – им ничего подобного нельзя. Устраиваются как-то... – он поймал себя на улыбке, – а мы с Элизой не станем... – Максимилиан не хотел дожидаться венчания:

– Надо ее к себе привязать, приучить. Обвенчаемся позже, в Берлине, но сейчас я ее от себя никуда не отпущу. Поедет со мной в Париж. Шанель ее оденет, я ей подарю драгоценности... – Макс был уверен, что невестка вышла замуж девственницей, со школьной скамьи:

– Элиза быстро забудет о своем еврее, я постараюсь... – успокоил себя оберштурмбан-фюрер, – тем более, она почти год одна живет. Спряталась в какой-нибудь обители, с детьми. Дети поедут на восток, а она останется со мной... – Макс заснул спокойно, почти слыша ее легкое дыхание, рядом, обнимая теплое, покорное тело.

Утром он забыл о страхах. Завтрак подавали хороший, Барбье снабжал лесопилку провизией. После картофельных оладий, сосисок, и чашки кофе, Макс пожал руку лейтенанту:

– Выполняйте свой долг, на благо рейха. Помните, под вашим началом часть стратегического предприятия. Никакого снисхождения к бандитам... – Макс взял в горы лимузин, на котором приехал из Брюсселя. Солдаты охраны и собаки ехали в грузовиках. Он смотрел на заснеженные кусты, по обеим сторонам дороги:

– Надо жестко пресекать все попытки сопротивления. Весной начнется атака на юг России. Мы пойдем к Волге, на Кавказ, получим в свое распоряжение бакинскую нефть... – помощи союзников России ждать не приходилось. Америка, судя по всему, проигрывала Японии на море, на суше и в воздухе:

– Сейчас японцы перережут железную дорогу, ведущую из Китая на юг, к морю. Китайские повстанцы останутся без помощи запада. Япония получит нефтяные скважины, в Малайзии, рванется в Индию. Без колоний Британия обречена. Все они обречены... – Макс щелкнул зажигалкой, – когда немецкий солдат одной ногой ступит за Волгу, русские будут деморализованы, поднимут руки. Прошлым летом они катились на восток, и сейчас покажутся... – он достал паркер:

– Надо не стесняться казнить так называемых партизан, посылать их семьи в концлагеря. Может быть, тогда они образумятся. Эйхман мне рассказывал. Британцы используют арабов, в Палестине, берут их надсмотрщиками, в лагеря для еврейских подпольщиков. Арабы работают в полиции. Правильно, – Макс улыбнулся, – разделяй и властвуй. Арабы ненавидят евреев. Впрочем, скоро во всем мире евреев не останется, и очень хорошо. Надо сюда, в Европу, присылать русских, из будущих соединений. Они помогут нам. Они своих соотечественников расстреливают, что говорить о каких-то бельгийцах, или французах. Муха такой человек, у него нет предрассудков...

Кортеж промчался по пустынным улицам Мон-Сен-Мартена. Макс, издали, услышал колокольный звон:

– Сегодня, вроде бы, никакого праздника нет... – улицы, ведущие на главную площадь поселка, перекрывали солдаты. Лимузин остановился. Макс открыл дверцу:

– Что случилось... – прислушавшись, он уловил хрипение динамика. У Барбье в штабе, имелся реквизированный с одной из шахт, репродуктор:

– Поэтому, если кто-нибудь, скрывает сведения о настоящем имени мадам Дельпи... – Макс хмыкнул:

– Они ему ничего не скажут, упрямые сволочи. Да и что скрывать, если она здесь под чужими документами жила. Она им вряд ли представлялась... – Макс посмотрел в сторону терриконов: «Господин комендант отложил начало смены?»

– Да, господин оберштурмбанфюрер, – вытянулся эсэсовец, – на час. На «Луизе» идет работа. Но там заключенные, а остальные все на площади. Только больные по домам остались, старики... – Макс, не дослушав, широким шагом, в сопровождении охраны, направился к церкви. Эсэсовцы расталкивали толпу. Краем глаза он заметил крепких мужиков, в шахтерских комбинезонах, и шерстяных куртках:

– Они здесь все друг на друга похожи, не различишь. Виллем человек благородной крови, у него крестonosцы в роду, а на вид, вылитый рабочий парень, только отбойного молотка не хватает... – у Макса, почему-то, заныли несколько зубов, даже протез:

– Надо в Берлине Франца навестить... – он увидел мелькание чего-то красного, за спинами людей:

– Ребенок, что ли... – Макс вышел на середину площади, где стоял Барбье, с репродуктором, окруженный оцеплением. Фон Рабе скользнул взглядом по невысокой женщине, в сером пальто и шляпке. Он замер, не в силах двинуться с места:

– Если кто-то скрывает, ее истинное имя... – надрывался Барбье. Макс увидел огромные, расширенные глаза Элизы:

– Она меня узнала. Она здесь с дочкой, наверняка. Надо ее найти. Маргарита... – Макс, открыв рот, шагнул к оцеплению.

Он не успел ничего сказать.

Под лопатку, вонзилось что-то острое, горячее, боль наполнила тело. Оберштурмбан-фюрер, покачнувшись, упал лицом вперед, в растоптанный снег. Фуражка слетела на булыжники, размеренно, гулко забил колокол. Шахтерский, растоптанный ботинок, опустился на мертвую голову СС, раздавив фуражку. Колокол ударял в уши, толпа ринулась вперед, на солдат. Теряя сознание, оказавшись под ногами шахтеров, Макс услышал треск пулемета.

Он заставил себя приподняться, чувствуя, как течет кровь, по шинели:

– Откуда у них оружие, Барбье давно все конфисковал... – шахтеры смяли оцепление, на церкви опять зазвенел колокол. Макс услышал, издалека, крик: «Огонь!». Фон Рабе, пригнувшись, еле удерживаясь на ногах, обернулся. Солдаты, перекрывавшие вход на площадь, стреляли по толпе, в знакомых, полосатых куртках, с черными, номерами:

– Партизаны вооружили заключенных, на «Луизе» бунт. Но это евреи, они подобного не умеют. Они, как скот, садятся в вагоны, едут на восток. Еще ни разу, ничего не случилось... – люди падали, под выстрелами, но в охрану, все равно, летели камни, и куски угля. Он выдернул из кобуры пистолет. Левая рука почти не двигалась:

– Хорошо, что левая. Сучка, Элиза, работает на Сопротивление. Она отправится в концлагерь, если выживет. Пусть сдохнет, со своим братом... – Элиза смотрела на Монаха.

Гольдберг, в шахтерском комбинезоне, в старых ботинках и потрепанной кепке, поймав ее взгляд, едва заметно кивнул. Собираясь на акцию, Эмиль положил пенсне, в крепком, жестяном футляре, в карман суконной куртки. Без очков Гольдберг видел плохо, но хмуро заметил ребятам:

– Куда стрелять, я разберусь. Если фон Рабе появится на площади, ему не жить, и Барбье тоже... – заключенных вооружали два дня подряд, через бригады техников, обслуживающих «Луизу». Комендант хотел оставить на шахте только заключенных, но у него ничего не выходило. Требовалось следить за вентиляцией, измерять уровень рудничного газа, в воздухе, работать на подъемниках. Евреи ничего не умели, и доверять им было нельзя. Шахтерам с инженерами Барбье тоже не доверял, но выбора коменданту не оставалось. Рейх нуждался в топливе. До войны одна «Луиза» производила десятую часть угля всей Бельгии.

Технические бригады тщательно обыскивали, прежде чем допустить на шахту. Ребята подмигнули Гольдбергу:

– При старом бароне штейгеры всю душу рабочим трясли, но, если шахтер хочет что-то под землю отправить, он своего добьется... – пистолеты попадали на «Луизу» в разобранном виде. Детали превращались в работающее оружие где-то на нижних ярусах шахты. Охрана в забой не спускалась. Заключенные и техники, на смене, были предоставлены сами себе.

Каждый месяц, пользуясь вентиляционными ходами, с «Луизы» бежали несколько человек. Некоторые выбирали присоединиться к партизанам, остальных Гольдберг отправлял на безопасные квартиры Сопротивления, уединенные фермы, и в монастыри. Оттуда людей везли на юг, через территорию вишистской Франции, в нейтральную Испанию, или переводили через швейцарскую границу.

Вчера Гольдберг получил весточку из Льежа. Дети, с отцом Виллемом, находились в гестаповской тюрьме. Монах успокоил себя:

– У них надежные документы. Посидят немного в камерах, их отпустят. Конечно, Элиза работала в приюте. Гестапо теперь более тщательно проверит бумаги, но это дети. Они никакого отношения к Сопротивлению не имеют. Отец Виллем их не оставит, никогда... – ранним утром на базе отряда появился гонец, парнишка из Мон-Сен-Мартена. По поруче-

нию Гольдберга, подростки внимательно следили за комендатурой, не оставляя поста даже ночью. На колокольне церкви было холодно, костер они разжигать не могли:

– Наверняка, флягу с женевером взяли, – усмехнулся Гольдберг, – или отец Андре им вина выдал, из своих запасов... – мальчик, шмыгая носом, сказал, что комендант привез мадам Кардозо в Мон-Сен-Мартен. Гольдберг потрепал его по голове:

– Отлично. Беги обратно, передай отцу, чтобы на «Луизе» начинали... – Монах посмотрел на хронометр, – через час... – Эмиль был уверен, что Барбье отложит начало утренней смены на шахтах. Отец гонца трудился техником на «Луизе». Он был одним из тех, кто проносил вниз оружие. За два дня им удалось снабдить пистолетами полсотни заключенных:

– Капля в море, – горько подумал Эмиль, – и нас двести человек. Барбье соберет весь поселок, мы затеряемся в толпе, но эсэсовцев здесь больше тысячи, у них пулеметы... – Гольдберг предполагал, что евреи на «Луизе», даже не получив оружия, все равно пойдут в бой.

– Это самоубийство... – он медленно, спокойно одевался, завязывая шнурки ботинок, – их расстреляют, сразу. Но я не могу запретить людям сражаться, не имею права... – Гольдберг почувствовал сзади шорох. Обернувшись, Эмиль увидел большие, голубые глаза. Она аккуратно натянула красную шапочку и пальтишко:

– Я сама оделась, дядя Эмиль, – сообщила Маргарита, – и ботинки застегнула... – Гамен лизнул ладошку хозяйки:

– Я пойду с вами... – девочка вскинула упрямый, материнский подбородок, – вы будете немцев убивать. Я тоже хочу... – она показала Гольдбергу какой-то камешек, – я меткая. Брат... – девочка запнулась, – учили меня камни бросать. А где мамочка, где Иосиф и Шмуэль... – Маргарита ойкнула. Гольдберг устало улыбнулся:

– Ничего страшного, здесь их можно так называть. Ты скоро всех увидишь... – пообещал Эмиль. Он сказал себе:

– Ладно. Элизе станет легче, если она поймет, что с Маргаритой все в порядке. Конечно, Барбье ее может заметить, или мерзавец, фон Рабе... – на площадь пришло много детей. Ребята Эмиля легко исчезали в толпе. Маргарита крепко держала его за руку. Гольдберг подтолкнул девочку:

– Беги к малышам, и ничего не бойся, милая. Мы освободим твою мамочку... – наклонившись, он услышал шепот:

– Вы словно рыцарь, дядя Эмиль. Мы будем жить в замке... – звонили колокола. Гольдберг, краем глаза, увидел на крыше церкви эсэсовцев:

– Барбье пулеметчиков туда посадил. Здесь три тысячи человек, женщины, дети... – глядя на своих ребят, на угрюмые лица поселковых шахтеров, он понимал, что не сможет запретить им стрелять в немцев:

– Обязательно будем... – уверил он Маргариту, чуть не добавив: «Все вместе».

Дождавшись, пока фон Рабе окажется к нему спиной, Эмиль выстрелил. Он целился в сердце, с расстояния в полсотни метров. Гольдберг еще успел прикинуть:

– У него шинель, китель. Но сейчас все начнут стрелять. Только бы Элиза ничего не делала, сразу бы бросилась на землю... – трещал пулемет, эсэсовцы, в оцеплении, закрывали Барбье. Макс навел пистолет на серую шляпку:

– Предательница, такая, как 1103. Никому из них нельзя доверять... – он хотел ранить женщину. Барбье толкнул ее на землю. Шляпка слетела, золотистые волосы упали на спину. Она подняла скованные руки, бросившись на коменданта, вцепившись зубами в его щеку. Женщина мотала головой. Сквозь гул колоколов, треск выстрелов, крики толпы, Макс даже слышалось рычание. Барбье отбросил ее, Элиза упала на заснеженные, окровавленные булыжники площади. Какой-то шахтер, схватившись врукопашную с эсэсовцем, прорывался к женщине.

Кепка слетела, Макс заметил бритую, почти наголо голову:

– Заключение, что ли? Почему он в комбинезоне... – шахтер закрыл Элизу своим телом, по лицу Барбье текла кровь. Макс, прицелившись, всадил несколько пуль в спину мужчины:

– Даже если она ранена, это ничего не меняет. Я ее сам, лично расстреляю, никаких концлагерей... – пулеметы работали, эсэсовцы поливали толпу автоматными очередями. Женщины и дети, падая, спотыкаясь, бежали к настежь распахнутым, тяжелым, бронзовым дверям церкви. Макс, преодолевая боль, крикнул:

– Огонь на поражение, из всего оружия... – фон Рабе напомнил себе:

– Надо найти девчонку. Она тоже здесь, наверняка... – на площади оставались только трупы и раненые. Из церкви доносился детский плач. Отогнав шахтеров и заключенных к стенам домов, эсэсовцы держали мужчин под прицелом. Макс подумал, что расстреливать всех нецелесообразно. Шахты требовали работников.

Барбье держал у окровавленной щеки платок. Подходя к нему, глядя на грязные, испачканные, рассыпавшиеся волосы женщины, Макс выругался. Неизвестный шахтер держал Элизу за руку. Мужчина, судя по всему, был мертв. Она тоже не двигалась. Макс, брезгливо, сдвинул труп:

– Теперь она ничего не скажет... – пулеметная очередь пробила ей грудь, но Элиза еще дышала. На сером пальто появлялись и опадали кровавые пузыри. Макс уловил движение ее губ. Ему показалось, что умирающая женщина шепнула: «Эмиль...». Элиза дрогнула, вытянулась, изящная голова дернулась. На серо-голубые, открытые глаза, падали снежинки.

Барбье откашлялся:

– Макс, ты ранен... – перевернув шахтера на спину, Макс понял, что никогда в жизни его не видел:

– Странно, лицо типично еврейское. Откуда здесь евреи... – в голове закрутилась какая-то мысль:

– Дети, из приюта. Что-то было не так... – Макс понял, что при падении получил слабую контузию:

– Дети подождут, – разозлился он, – все равно они отправятся в концлагерь, со святошей. Я покажу, как надо обращаться с партизанами... – забыв о мертвом шахтере, фон Рабе разогнулся:

– Ранен. Сухожилие в плече перебило. Пусть меня перевяжут. Принесите доски, и канистры с бензином. Из церкви никого не выпускать! – приказал он солдатам, стоявшим на паперти, белого мрамора.

– В храме священник, он с колокольни спустился, – крикнул кто-то из эсэсовцев, – и женщины, с детьми. Мужчин нет. Кюре просит пройти, к умирающим людям... – Макс плюнул в окровавленный снег: «Я сказал, не выпускать».

Он сбросил разодранную, испачканную шинель. Морозный воздух обжег потную спину, рана болела меньше:

– По их милости у меня второй шрам останется, – зло подумал Макс, – мистер О'Малли мне в правую руку стрелял... – на холоде кровотечение остановилось, но голова гудела:

– Мистер О'Малли, брат Горовиц... – Макс, покачнувшись, сумел зажечь сигарету, – нет, не помню, что я хотел... – фон Рабе принял заряженный пистолет. Над крышей церкви парила большая птица:

– Сокол, – мимолетно подумал Макс, – в Альпах они тоже водятся. Какой красавец... – ему показалось, что в дальнем конце улицы, за поворотом, промелькнуло что-то красное. Солдаты несли к церкви доски, на площади пахло гарью и кровью. Макс повернулся к Барбье:

– Закрывайте двери, заколачивайте окна... – окна в храме были большими, с витражами. Макс добавил:

– Расставь автоматчиков, на безопасном расстоянии, вокруг здания. Стреляйте по всем, кто попытается бежать... – Барбье, казалось, все еще не понимал:

– Что ты хочешь сделать, Макс... – фон Рабе забрал у него платок:

– Сучка ему зубами в лицо вцепилась. Все они такие, тихони. Кровь Арденнского Вепря... – он успокоил Барбье:

– Даже шрама не останется, заживет. Поверь моему опыту... – Макс посмотрел на труп женщины. Шахтер лежал рядом, раскинув руки. Ему почудилось, что кончики их пальцев соприкасаются:

– Двигается он, что ли? – нахмурился Макс. Прошагав к трупам, фон Рабе со всего размаху наступил сапогом на руку шахтера. Затрещали кости, он поморщился: «Нет, мертв».

– Я собираюсь сжечь змеиное гнездо, Клаус, – коротко ответил фон Рабе. Он махнул рукой солдатам, у дверей церкви:

– Кидайте гранаты, начинаем!

Люди, у стен домов, остановившимися глазами, смотрели на стену огня, вспыхнувшую внутри храма. Языки пламени лизали чашу со святой водой, эсэсовцы захлопнули тяжелые двери. Раздался звон стекла, кто-то из мужчин, стоявших у стены, упал на колени, в мокрый, растоптанный снег. За витражами поднималась стена огня. Птица, сорвавшись с крыши, полетела в сторону темных развалин замка, на холме.

– Не надо! – шахтер плакал:

– Там наши жены, дети. Не надо! – раздвинув эсэсовцев, Максимилиан навел оружие на арестованных:

– Смотрите, – холодно сказал фон Рабе, – вы никуда не уйдете, пока ваши семьи не сгорят дотла. Какой мерой мерите, такой вам и отмерено будет... – стекла лопались, церковь, казалась, кричала, на сотни голосов. Белый мрамор, на глазах, покрывался копотью. Кто-то из мужчин попытался броситься на солдата:

– Пустите нас, дайте нам... – Макс разрядил обойму пистолета ему в лицо. Толкнув труп ногой, он приказал Барбье:

– Свяжись с Льежем, пусть привозят подкрепление. Я камня на камне не оставляю от бандитского гнезда. И вызови нашего врача. Здешнему доктору, даже если он выжил, я не доверяю... – черепица с церковной крыши летела вниз, огонь охватил колокольню. Над храмом поднимался столб черного дыма. Макс заметил проблеск ее золотистых волос, на усеянной трупами площади:

– Мера за меру, – усмехнулся он, махнув рукой: «Уводите арестованных в концлагерь. Начинайте уборку, когда все догорит!»

Штандартенфюрер фон Рабе лежал в отдельной палате рудничной больницы. Здание не пострадало от огня. Максимилиан велел поджигать только дома шахтеров. Запретив держать в госпитале раненых и обожженных людей, он вызвал из Брюсселя немецкого врача, работавшего в больнице вермахта. Здешнего доктора Лануа Максимилиан к себе не подпускал. Выжившие женщины и дети, с ранеными, ютились в уцелевших домах, или бывших кабачках. В разговоре с Максом, Барбье заметил:

– Странные люди. У них мужья в концлагере сидят, а они ходят по развалинам, и мебель подбирают. Где они мебель держать будут? – Макса это не интересовало. Он получил телеграмму от рейхсфюрера Гиммлера. За ликвидацию банды Монаха, Максусу присвоили почетное звание, он получил Железный Крест, первого класса. Барбье назначался начальником лионского гестапо. Приятель тоже продвигался по службе.

Гиммлер распорядился убрать евреев из местного концлагеря. Заключенных отправляли на восток. Из Мон-Сен-Мартена начали уходить товарные поезда, с немецкой охраной и немецкими, присланными из Кельна машинистами. Барбье пожал плечами:

– Местные отказываются подобным заниматься. Скатертью дорога, пусть сдыхают от голода. Стратегическую ветку нельзя перепоручать бандитам... – выжившие шахтеры теперь содержались в концлагере. Они ходили на работу под охраной, без права появляться в поселке, вернее, в кварталах разрушенных и сожженных домов.

Макс не хотел видеть бывшего соученика. Он подписал распоряжение, согласно которому, все дети из приюта, и отец Виллем, как подозрительные личности, связанные с так называемым Сопротивлением, отправлялись в Аушвиц. Макс никак не мог вспомнить, что ему мешало, когда он думал о приюте. Пробежав глазами список фамилий, увидев Мерсье, он едва не хлопнул себя здоровой рукой по лбу:

– Конечно, близнецы. Я думал, что Отто они понадобятся... – поставив росчерк, Макс забыл и о детях, и об отце Виллеме:

– Сволочь, как и его сестра, – зло сказал себе фон Рабе, – она сдохла, и он Аушвица не переживет... – Макс предполагал, что ее похоронили, на поселковом кладбище, среди бесконечных рядов наскоро поставленных крестов, из обожженного дерева. При ликвидации банды, как называл Макс акцию, погибло пять сотен мужчин, женщин и детей. Церковь Иоанна Крестителя, с могилами де ла Марков, и саркофагами святых, сгорела до фундамента. Над поселком возвышался остов замолкшей колокольни.

Макс не мог запретить католическое погребение, но церемония проходила без колокольного звона. Из Льежа приехали священники, тщательно проверенные гестапо. Барбье доложил, что женщины ходят к остаткам храма, собирая пепел. Макс отозвался:

– Пусть. Они все суеверные дикари. Одно название, что европейцы... – в набитых до отказа домах плакали малыши, женщины готовили и стирали на кухнях кабачков. В школьных классах лежали, под охраной, раненые шахтеры. Макс не собирался никого оставлять на свободе.

Вынув пулю, врач развел руками:

– Какое-то время движения будут ограничены. Когда мы снимем повязку... – Макс прервал его:

– Я долго валяться не собираюсь. Меня ждут дальнейшие дела... – он скосил глаза на бинты:

– До Парижа я доеду, здесь недалеко... – Макса вез в Париж личный лимузин, с двумя охранниками, положенными теперь, по новому званию и должности. Максимилиан стал офицером для поручений, у рейхсфюрера СС Гиммлера.

Фельдсвязью, из Берлина, прислали новое удостоверение. В документе значилось, что Макс имеет право отдавать распоряжения от имени рейхсфюрера. Гестапо на оккупированных территориях Европы и бывшего СССР обязали оказывать штандартенфюреру всемерное содействие, в рамках директивы «Ночь и Туман», и всех последующих приказов высшего командования.

Макса немного беспокоило, что Монаха, среди трех сотен погибших мужчин, никто не опознал. Барбье заметил:

– Они и раньше его описание скрывали. Правда, мы их не пытали... – Макс рассматривал отполированные ногти, на правой, здоровой руке:

– А теперь будем, Клаус. Очень хорошо, что Мон-Сен-Мартена больше не существует. Вся Европа содрогнется, узнав о таком... – победные религии напечатали в немецких газетах. Из Кельна приехал корреспондент «Сигнала». Журналист пообещал Максиму большой репортаж о героических немецких офицерах, борющихся с внутренними врагами рейха.

Взял сигарету, из медной пепельницы, затянувшись, Макс аккуратно переложил окурок в пальцы левой руки:

– В любом случае, Клаус, я уверен, что Монах мертв. Твоего преемника больше никто не побеспокоит... – как бы ни хотел Макс отправить в Аушвиц и девочку Кардозо, он ничего сделать не мог. Так называемая Маргарита Дельпи, после акции, пропала без следа. У шахтеров, или их жен спрашивать о девочке было бесполезно. Макс понял, что упрямы скорее бы умерли, чем что-то выдали.

– Пусть сдыхают под землей, на двенадцатичасовых сменах и лагерной пайке... – зевнув, он отпил бразильского кофе:

– Ладно, Клаус. Передатчика у мерзавцев больше нет, Монах разгромлен, можно не беспокоиться. Думаю, в Лионе мы с тобой встретимся... – он подмигнул Барбье, – впереди депортации евреев с юга Франции, уничтожение тамошних бандитов... – завтра Макс ехал на запад, в Париж:

– Найду мальчишку, – пообещал он себе, устраиваясь в кровати, – живым он от меня больше не уйдет. Отыщу месье Корнеля, с его алмазом... – за окном серый день катился к вечеру. На больничном дворе зажигались фонари.

Доктор Лануа, в сопровождении солдата, шел к воротам. На улице стояла телега, запряженная першеронами, со сторбленным стариком, на козлах. Он курил короткую трубку, сплевывая на дорогу.

– Медикаменты брал... – Макс присмотрелся, – мы разрешили... – ему показалось, что в сене, на телеге, лежит какая-то черная шавка:

– Кардозо похожую тварь держали... – вспомнил Макс, – впрочем, они здесь в каждом доме... – он закрыл глаза:

– Сдохла, и хорошо. Подобным женщинам доверять нельзя. Она бы мне в постели в спину нож вонзила. Не то, что Марта... – Макса немного раздражала глупость невестки, но, по крайней мере, она была истинно арийской женщиной, покорной мужу и фюреру.

– Мне тоже надо найти хорошую жену... – решил Макс, – у нас есть страны, сателлиты. Венгрия, Румыния. Такие браки разрешены, даже поощряются. Эмму пора замуж выдавать... – телега свернула за угол, он задремал.

Доктор Лануа и месье Верне молчали.

Першероны поравнялись с дорогой, ведущей на холм, к развалинам замка. Врач, тихонько, свистнул. Гамен поднял голову, из сена. На ошейнике пса висел холщовый мешочек. Порывшись в старом саквояже, доктор положил туда две вареные картофелины, кусок домашней колбасы, и горбушку хлеба. Гамен облизнулся, розовым, острым языком:

– На шахту не ходи, – строго сказал доктор Лануа, – завтра к мосту прибегай... – шипперке завилял хвостом. Месье Верне оглянулся: «Можно». Соскочив с телеги, собака понеслась вверх, к остаткам мощных стен. Пес пропал, они поехали дальше. Месье Верне закашлялся:

– Может быть, стоит мадемуазель Маргариту забрать оттуда... – он дернул небритым подбородком в сторону развалин, – не сейчас, позже, когда все стихнет... – доктор покачал головой:

– Вода там есть. Не зря мне коллега Гольдберг говорил о колодце. Надо же, со времен первого адмирала он сохранился. Тогда к осадам готовились... – Лануа, чиркнув спичкой, затянулся папирсой:

– Так безопаснее. Фермы они могут обыскивать, а туда никто не полезет... – першероны тянули телегу на холм. Месье Верне выругался себе под нос:

– В прошлый раз мы его в шахте прятали, сейчас в пещере... – старик, почти робко, спросил: «Выживет он, доктор Лануа?»

Врач вздохнул:

– Посмотрим, месье Верне... – над развалинами замка парил большой, мощный сокол. Доктор выбросил окурок в мерзлый, слежавшийся снег, на дороге: «Опять похолодало».

– То обманная весна была, – угрюмо сказал старик, – на Ботранже вчера еще метр снега выпал. Пещеру, если не знаешь, где вход, и не найти теперь. Телегу дома оставим, как обычно, а дальше пешком... – Лануа кивнул, поставив на колени докторский саквояж.

Першероны растворились в сумерках, скрип колес затих. Сокол, сложив крылья, устроился на неровных камнях замковой стены. Птица, нахохлившись, следила за освещенной прожекторами равниной, за темными силуэтами терриконов, окружающими Мон-Сен-Мартен.

Часть пятая

Бирма, февраль 1942

Рангун

Большие, французские окна темного тика распахнули в сад отеля «Стрэнд». На мраморной террасе расставили плетеные кресла. С зеленой лужайки доносилось журчание фонтана, перекликались павлины. В городе царила сухая, зимняя жара. Под потолком медленно вращались большие вентиляторы. Официанты, в мужских, строгих, синих и серых саронгах, неслышно скользили по отполированному полу, с подносами нарезанной гуавы, личи, мангостана и сахарных яблок. Тяжело, удушливо пахло цветущими магнолиями. К потолку поднимался дымок сигарет.

Поправляясь после ранения в Британии, Меир лежал в госпитале, в замке Джона, и не посещал дорогие лондонские отели, в Мэйфере. Он смотрел на тонкий фарфор, на блеск серебряных ложек, на крохотные, деликатные сэндвичи, с огурцом и копченым лососем, свежие, горячие сконы и бисквиты, с малиновым, и абрикосовым джемом. Командующий британскими силами в Бирме, генерал Арчибальд Уэйвелл, наклонил над чашкой изящный кувшинчик, со сливками: «Значит, вам понравилась Калькутта, мистер Горовиц?».

Калькутты Меир почти не видел, добравшись до Рангуна кружным путем.

Прямой рейс, с Филиппин, оказался невозможен. Захватив юг Бирмы, японцы продвинулись до реки Ситаун. Британские войска цеплялись зубами за берега, но ходили слухи, что Уэйвелл прикажет отступать на север. От Ситауна до столицы Бирмы, с портом и нефтехранилищами, оставалась сотня километров. В городе понимали, что японцы, с опытом войны в джунглях, могут взять Рангун через неделю, и закончить кампанию до сезона муссонов.

Меир долетел до Калькутты. Согласно полученной на Филиппинах радиোগрамме, в городе его ждали американские добровольцы отряда 28. Ребята оказались славными, все они служили в морской пехоте. Меир, сразу, честно, признался, что звания у него нет:

– Однако это не мешает мне шестой год воевать, – коротко сказал Меир, на быстром совещании, в жаркой, грязной комнатке военного аэропорта, – и я единственный в отряде, кто знает японский язык... – три дня назад, британцы еще обороняли Сингапур. Вчера Уэйвелл получил радиোগрамму от генерала Персиваля:

– Вследствие потерь, причинённых действиями противника, вода, бензин, продовольствие и боеприпасы практически подошли к концу. Поэтому не могу больше продолжать борьбу. Все люди сделали всё, что было в их силах, и благодарны Вам за Вашу помощь... – открыто радиোগрамму нигде не печатали, но кузен видел ее собственными глазами, и шепнул об этом Меиру. Выбросив белый флаг, Персиваль сдался со штабом японцам. После падения Сингапура в плену оказалось восемьдесят тысяч офицеров и солдат.

– Позор, – мрачно сказал Джон, сидя на подоконнике номера Меира в «Стрэнде», – премьер-министр назвал капитуляцию крупнейшим поражением британской армии за последние сто лет... – Меир брился перед зеркалом:

– Судя по всему... – он помахал помазком, в мыльной пене, – нас ждет похожая участь, на Филиппинах. Малайзия стала японской. Они рвутся дальше, на юг, к индонезийской нефти... – кузен провел рукой по коротко стриженым, потным волосам:

– И на запад, к Индии... – добровольцы жили в казармах, на окраине Рангуна. Меир, с большим удовольствием, расположился бы с ребятами. Британцы в отряде 28 тоже оказались опытными людьми, некоторые воевали с Джоном, в Северной Африке. В отряд зачис-

лили пятеро гуркхов, из соединения кухни Тессы. Ни Джон, ни Меир родственницу еще не видели. Капитан Вадия организовывала на севере, в бывшей королевской столице Бирмы, Мандалае, полевой госпиталь.

– Она монахиня, – заметил Джон, – а в Мандалае самые известные буддийские монастыри, в Бирме. На время войны, Тессу освободили от обетов, однако она, наверняка, найдет время поучиться, на севере... – Джон встретил Меира и отряд на военном аэродроме Рангуна. Кузен повез Меира в отель «Стрэнд»:

– Генерал Уэйвелл хочет с нами встретиться, перед началом миссии. Ты командир, как и я, сэр Арчибалд чтит традиции. Он не поймет, если ты поселишься в казармах... – Меир усмехнулся:

– Я, в отличие от тебя, не герцог. Генерал Стилуэлл остановился в казармах, а чем я лучше... – представителя армии США на Бирманском фронте, со времен Вест-Пойнта, все звали «Уксусным Джо», за острый язык. В казармах Стилуэлл позвал Меира в крохотный прокуренный кабинет. Сухое, смуглое лицо генерала недовольно искривилось:

– Не позволяйте колониальным зазнайкам вами командовать, мистер Горовиц. Я знаю вашего кузена, майора Мэтью. Отличный военный... – Меир стоял, если и не на вытяжку, то довольно прямо. Стилуэлл тоже носил пенсне, простое, в железной оправе:

– Однако у вас тоже отменная подготовка... – Уксусный Джо указал глазами на расстегнутый воротник рубашки, Меир, спохватившись, быстро привел себя в порядок:

– Для вашей миссии такое важно, – заметил Стилуэлл:

– У нас мало людей, знающих японский язык... – то же самое сказал Меиру и Джон.

Наклонившись над фарфоровым тазиком, Меир ополоснул лицо:

– Хороший отель, – признал он, – только почему вы, британцы, до сих пор отказываетесь от смесителей? Душа здесь нет, одна ванна... – он похлопал себя по щекам:

– Я загореть успел, и ты тоже. Жаль, что кузен Стивен погиб... – вздохнул Меир, – малышка теперь круглая сирота... – несмотря на дружбу с кузеном, Джон ничего не сказал Меиру о Констанце, следуя распоряжению премьер-министра.

Узнав о гибели доктора Кроу, Черчилль пожевал губами:

– Надеюсь, что она ничего... – сэр Уинстон пощелкал пухлыми пальцами, – не оставила после себя немцам... – он внимательно посмотрел на Джона. Капитан Холланд, довольно сухо, отозвался:

– Я больше чем уверен, сэр Уинстон. Мы приказали группе избавиться от передатчика, так безопаснее. Связь будет поддерживаться через Льеж, и запасную точку, то есть Звезду... – Звезда сообщила, что фрейлейн Миллер хотели отправить в командировку, в госпиталь Аушвица. Джон велел Звезде туда не ездить:

– Мало ли что... – заметил Джон на совещании, – в Аушвице не только, по слухам, ее бывший муж сидит, но и работает небезызвестный Отто фон Рабе. Звезда врач. Фон Рабе мог ее видеть, случайно, до войны. Ее, конечно, не пустили бы в лагерный медицинский блок, но не стоит рисковать... – все усилия Джона ничем не увенчались. Аушвиц продолжали считать лагерем для русских военнопленных.

Он предложил послать в Германию и Польшу дальние бомбардировщики. В Адмиралтействе отрезали:

– Такая миссия означает самоубийство, для пилотов, капитан Холланд. Люфтваффе собьет наших ребят еще над Северным морем. Лагеря не являются стратегическими объектами. Это не предприятия, не железнодорожные узлы. Одновременно, идут две большие военные кампании, на одну вы и отправляетесь. Занимайтесь разведкой, вы не специалист в воздушных сражениях... – Джон спорить не стал. Проводив Питера в Северную Африку, он улетел, через Кейптаун и Бомбей, в Бирму. Дядя Джованни обещал позаботиться о миссис

Кларе и детях. Во Франции, у Маляра, Драматурга и Монахини дела шли хорошо, льежский передатчик исправно работал. Джон мог спокойно заняться делами Отряда 28.

– Вас, кстати, тринадцать человек, британцев... – Меир покосился на крепкую шею кузена, где сверкала медная оправа медвежьего клыка, – несчастливое число... – Джон отмахнулся:

– С кузиной Тессой четырнадцать, все в порядке... – вспомнив темные глаза Розы, герцог, зло сказал себе:

– Оставь. Она в Каире, готовится к миссии. Ее заберут из Касабланки, посадят где-нибудь в провинциальной Франции, в швейном салоне. Она будет содержать безопасную квартиру и работать на передатчике. Она сказала, что тебя не любит, как и Звезда... – Джон потушил сигарету: – Интересно, что за рисунок, на клыке. Если бы ни Меир, в Голландии, я бы на него и внимания не обратил... – Меир надел стальной медальон, на цепочке:

– Я не военный, но мне его тоже выдали... – он покрутил бляху, – хотя за линию фронта подобные вещи таскать не следует... – Меир сказал кузену, что Аарон оправляется от ранения. Он, с удовлетворением услышал, что сестра процветает:

– Можете не беспокоиться, – уверил его Джон, – у немецкой администрации она на отличном счету. Мальчишки с Элизой и Виллемом, в Мон-Сен-Мартене. Просидят войну в провинции, и твоя сестра их заберет... – Меир решил ничего не говорить о дяде Александре, как он называл, про себя, Горского:

– Все забыто давно... – он застегивал рубашку цвета хаки, – двадцать лет прошло.

Джон склонил голову:

– Я бы на твоём месте переоделся, к чаю с генералом. Я поменяю форму, надену парадный китель... – он посмотрел на тяжелые ботинки Меира, – а ты приходи в смокинге. Тропическом смокинге, – добавил Джон, – белом.

Меир даже закашлялся:

– Японцы в неделе пути от Рангуна, какие смокинги? Я последний раз надевал его на свадьбу Аарона. Белого смокинга у меня вообще никогда не водилось, я не во Флориде живу... – Джон ухмыльнулся:

– Сэр Арчибальд человек старой закалки. Японцы японцами, но пятичасовой чай требует парадной одежды. В Белом Доме, на приемах, вы смокинги не носите? – удивился Джон.

Сев на огромную кровать, Меир зашнуровал ботинки:

– Я не посол и не официант, Джон, а старший агент Секретной Службы. Я на приемах в зале не появляюсь... – он поднял серо-синие глаза, – наша задача не в этом состоит... – Джон вздохнул:

– Сэр Арчибальд спишет все на твое американское происхождение. У вас не имеют понятия об этикете.

– Не имеют, – согласился Меир, причесывая немного растрепанные, темные волосы:

– Пошли, – он толкнул Джона в плечо, – будешь сверкать эполетами, а я изучу карту, чтобы понять, куда нас посылают.

Дело, в общем, оказалось ясным.

Британская и американская армии, создавали, по образцу Пустынного Патруля, в Северной Африке, особые разведывательно-диверсионные группы, для войны в джунглях. В Бирму прилетал майор Уингейт, у которого имелся опыт подготовки подобных отрядов, в Палестине и Эфиопии, во время сражений с итальянцами. Добровольцы Отряда 28, в будущем, становились основой таких подразделений здесь, на тропическом фронте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.